

СЕРГЕЙ ЕВТУШЕНКО, ВЛАДИМИР ЛАДЧЕНКО

«В ДУХЕ ВРЕМЕНИ»

БОЛЬНИЦА

- На что жалуемся, больной?
- Болит, доктор.
- А жить-то хочется?
- Хочется.
- Не буду скрывать. Трудно вам придется с таким настроением в нашей больнице. Еды у нас нет – еда ваша. Лекарств нет – лекарства ваши. Патологоанатом наш. Вопросы есть?
- Доктор, что со мной?
- С вами должны быть подушка, одеяло и желательна кровать. А то на полу у нас сдувает. Будем лечиться?
- Будем.
- Вот и славно. А то «жить хочется, жить хочется»... Экий вы – неумный.

МРАК

- Кто здесь? – тревожно спросил Фатов и напряг шею в ожидании удара.
- В ответ из темноты угрожающе и длинно засопели. Последовала гробовая пауза. Разом взопревший Фатов приготовился ко всему. Нашупав задом стену и обретя третью точку, он почувствовал себя уверенней и прочистил горло, чтобы в случае чего громче позвать на помощь.
- Извиняюсь, - проблеял бесполой голос из чернильной непроницаемости.
- У Фатова немного отлегло. Прикрываясь портфелем, как щитом, он обогнул, а вернее почти припечатал к стене кого-то невидимого и легкого и чуть ли не на четвереньках, спотыкаясь и отталкиваясь рукой от холодных ступенек, крысиной побегкой вознесся на четвертый этаж.
- А невидимый и легкий прилип плашмя к стене и заперебирал трясущимися губами:
- Не погубите... За Христа ради... Сыночки...
- Фатов ломанулся грудью в дверь. Так и есть, заперто. Ну, Людка! Все поминая имя жены, он пробежал руками по карманам и вытащил ключ. Открыл, вошел, вытер лоб, успокоился. Но когда умывался, заметил на голове безжалостный седой волосок, которого еще утром не было, распереживался и, махнув рукой на принципы, наконец решился.
- Взял и вкрутил в подъезде лампочку.

ЗАВТРА

Жизнь коротка и нужно многое успеть. Написать книгу, посадить дерево, сделать кого-нибудь счастливым. Хотя бы частично. Но только не сегодня. Завтра обстоятельства изменятся, что-то сгладится и все определится. Сегодня никак. Сегодня никакого настроения. Силы не те и не там. Вот завтра отодвину все эти

мелкие, как вши дела и начну. Что-нибудь глобальное. На стыке невозможного. Но только не сегодня. Сегодня все мешает. И Любка обидится, если не придешь. Павлик обидится, если с ним отпуск не обмоешь. Огурцы на даче тоже обидятся, если не польешь. Так что все завтра. Таинственное многообещающее завтра. Но оно имеет одну подлую особенность – превращаться в сегодня. А сегодня ничего не получается. Вот завтра...

КЛУБОК

Слушайте сюда. Куренцов любит Забабакину, а она тайно вздыхает по Саньке Плюеву. Санька же методично и тонко преследует жену Куренцова Веру и параллельно поддерживает секретную связь с секретаршей директора Танюшей Гвоздевой. Жена Куренцова работает здесь же, но кроме мужа для нее никого не существует, что объясняется ее деревенскими корнями. А Танюша Гвоздева мечтает сменить лысину и морщины Плюева на усы руководителя танцевального коллектива Ашота. Но Ашоту больше нравятся светленькие и полненькие, и он все свободное от репетиций время проводит в буфете, где моет стаканы и мило улыбается Света Селезнева (100 кг секса без бижутерии). Однако Ашот не знает, что он, увы, уже опоздал. В ее большой груди свил гнездо мой ассистент Вадик Поплавский - тщедушный заика-очкарик, который взял Свету единственно тем, что не ругается, как остальные матом и имеет родственников в Израиле. Самому же Вадиду, как и Ашоту тоже нравятся светленькие и полненькие, но мужчины...

Вот такой причудливый и трагичный клубок образовался у нас в ДК.

И вы мне предлагаете ставить какого-то Шекспира? Его примитивные пьески с любовным треугольником? Да мои ребята меня просто засмеют и перестанут уважать. Вот так-то, дорогой товарищ!

КАК ПРАВИЛЬНО СОБИРАТЬ ГРИБЫ

Прежде всего нужно запомнить одну важную вещь – грибы собирают за городом. В лесу, на лужайках, в оврагах, вообще в чистом поле, но за городом. На худой конец перед городом или сбоку от него. Название города в данном случае решающего значения не имеет.

Итак, главное усвоили. Нож заточен, сапоги куплены, вы два дня не брились... Встает вопрос – как собирать грибы? В принципе, при множестве форм и отличий существует всего два общепринятых способа сбора грибов. Первый и самый распространенный заключается в том, что вы берете с собой бутылку водки, которую выпиваете у первого попавшегося растения сразу по приезду на место. Желательно дерева. Впрочем, последнее необязательно. Главное, что вы за городом, активно отдыхаете и где-то рядом, буквально под ногами растут грибы. Душа начинает петь и вы потом к ней присоединяетесь. И вот так бодро, с песней вы и ищите грибы. Главное, не потерять лукошко.

Освоив за несколько выездов в достаточной мере первый способ, можно постепенно переходить ко второму способу сбора грибов. Скажу прямо, он требует более крепкого здоровья, выносливости, некоторых навыков, веры в свои силы и даже, если хотите, энтузиазма. Заключается он в том, что вы берете с собой не одну, а две бутылки водки. Улавливаете разницу? Казалось бы что такое еще 500 граммов водки? Так, пустячок. Но зато сколько новых ощущений, неповторимых нюансов и удовольствия от общения с природой и самим собой! И потом – некоторые грибы под листьями и в траве приходится искать, передвигаясь на четвереньках. Именно здесь второй способ просто незаменим. Более того, этот способ не только интереснее, но и

гораздо добычливей. Так, если при первом способе вы видите один гриб, то здесь уже видятся сразу два, а иногда и более грибов.

Оба вышеприведенные способа прекрасно показали себя в средней полосе России и других лесополосах, и бывалые грибники их горячо рекомендуют.

И еще. Некоторые чересчур уж дотошные начинающие любители природы интересуются, как отличить съедобный гриб от ядовитого? Вопрос, конечно, не принципиальный, но могу ответить. Отличие заключается в том, что ядовитые грибы все на виду, а хороших не видно. Поэтому грибы, которые на виду, следует игнорировать и растаптывать ногами.

Для опытных грибников более актуальным является вопрос, как отличить съедобную водку от ядовитой? Но здесь, как говорится, на вкус и цвет товарищей нет.

Еще очень важно во время сбора грибов не заблудиться, особенно если вы по складу характера склонны ко второму способу сбора. А то отдых на природе получится слишком уж активным. Но если это все же произошло, не отчаивайтесь и попытайтесь сориентироваться. Ориентироваться лучше всего по звездам. Это очень просто. Если на небе звезды, значит уже ночь. Если звезд нет, значит день.

Грибники со стажем утверждают, что человеку по силам третий и даже четвертый способы сбора грибов. А также их комбинации. Но, к сожалению, живых свидетелей этому нет. Лес умеет хранить свои тайны.

ДО СВЕТЛОГО УТРА

Записка гласила: “Простите за беспокойство. На моем месте так поступил бы каждый. Целую всех, за исключением жены, этой тва... (неразборчиво...)... матери. Василий. P. S. Вережку верните Вайсману из кв. 45, а то он из-за нее “удавится”.

... Похороны прошли успешно. Наложившего на себя руки Ермакова жалели. Кто его знал хорошо, больше жалели вдову. Оркестр играл классику в замедленном темпе. Музыканты тужили щеки. Ноты стояли только перед новеньким, игравшим на литаврах. Во время выноса вдову отпаивали водой, хотя она мечтала о шампанском. Через некоторое время вода выходила слезами, и ее снова поили. Но над головами шелестело: “Из-за нее... Довела, зараза”. Теща Ермакова ходила именинницей, радостно вздыхала в платочек и сделала две безуспешные попытки заплакать.

На кладбище было долго и жарко. Принюхивались собаки. Собравшиеся выглядели равнодушнее Ермакова. Но говорили прощальные слова. В них Ермаков выглядел так, что его впору было вытаскивать из гроба и качать. Сам покойный от ответного слова воздержался. Женская часть собравшихся ждала любовника вдовы, чтобы, поглядев на него, дать оценку случившемуся. Но он не рискнул. И правильно, потому, что мужчины его тоже ждали. Теща, главный генератор семейных скандалов, выглядела старушкой, которую обидит каждый, и на все вопросы о покойном радостно отвечала одним словом: “пил”. Когда стали закапывать, все кроме тех, кому достались лопаты, испытали облегчение. С брызгами зарыдал некий Иванов, которому покойный остался должен 200 баксов. На поминках было вкусно – вдова, наконец, блеснула своим кулинарным мастерством.

А веревку, согласно завещанию вернули Вайсману из 45-ой квартиры, хотя теща и была против – пусть, мол, удавится.

НА БУКВУ «Г»

Домишко, скажу я вам, у нас не слабый. Серьезный домишко. На букву «г» похож, если с высоты смотреть. Целых два этажа без лифта. Одно плохо – время от

времени трещит. Переспел наверно. У жильца Белокурова на этом фоне бутылку водки и сперли.

Неизвестный негодяй- прохожий с улицы руку засунул в трещину несущей стены, и спер. В аккурат, за занавесочной стояла, от жены. Вечером слышим - вой, думали, кого-то смерть настигла, поминки будут, а это жилец Белокуров бутылки хватился.

Двадцать семей в нашем доме проживает, не считая малосемейных одиночек. Живем дружелюбно, но несмотря на это горячей воды нет. Говорят, по закону Архимеда не положено, поскольку конституция дома со времен НЭПа морально устарела. Зимой-то мы обходимся – с отопления горячую воду сливаем. Борщ, правда, из этой воды слегка зеленоватый получается. И носки при стирке кусками линяют. А так ничего, нормально. Отрадно и хорошо.

Сантехника у нас деревянная – во дворе переполненная стоит. На ту же букву «г» пахнет. Зимой на посадочных местах целые Монбланы намерзают. И пики Коммунизма. Очень неудобно это дело и стоя. Извиняюсь за тяжелый натурализм. Одним словом, жизнь тряская, да тут еще соседи нервы усугубляют. Прорубаются, сволочи. Прямо пещерные страсти.

Раз жилец Давыдов, у которого справка, уехал в командировку. Маму навестить. А Семикрылов, сосед дорогой, к нему и прорубился. Объясняю научный термин «прорубился». Топором или ломом, кому что по здоровью подходит, проделываешь скоренько в соседской стене проем, выкидываешь уже из своей комнаты чужие вещички и изолируешься кирпичной кладкой. И все, зови гостей, справляй новоселье. Семикрылов с шурином за два часа управились, параллельно съев литр водки, что тоже требует определенных сил и времени.

Давыдов приезжает ночью «Кисловодском – Москвой», - думал сначала дверью ошибся. Надо, потом думает, с водкой поаккуратней. У всех двоится, а у него наоборот. Точно помнит, уезжал из двухкомнатной. А сейчас в наличии одна. И та вся сапогами истоптана. Скандал, конечно, архи был. С красными соплями. Но сопли и подтереть можно, а комнатенка за Семикрыловым так и осталась.

С Куликовым, который в цирке жонглером железных бутафорских гирь работает, тоже история вышла. После поднятия тяжестей на работе он несколько устал и естественно несколько напился и дома, содержательно поужинав гороховым супчиком, лег спать, чтобы с утра снова поднимать тяжести. А ночью перекрытие не выдержало, и оказался он в подвале вместе со своей колыбельной кроватью. Проснулся Куликов утром, смотрит, еще вроде темно. Он опять спать начал. Снова проснулся, смотрит опять темно, но на окнах вместо занавесок решетки просматриваются. И главное голый бетон вокруг. Первая мысль естественно – опять в КПЗ. Вторая – хорошо ли вел себя при задержании. Он уже начал о вреде водки размышлять. Потом щупает ноги, а на ботинках шнурки. Значит, думает, не в КПЗ, там отнимают. Одним словом, человек чуть в сумасшествие не впал, тем более с похмелья. Перекрытие, конечно, восстановили, но с той поры Куликов есть перед сном опасается, тем более гороховый супчик.

Я уже не говорю про дядю Васю. Есть такой слезящийся старичок в нашем доме. Так он трех свиней-рекордисток в своей однокомнатной откармливал. Вместе с ними ел и спал. Запах, конечно, не для слабонервных. Мат только для слабослышащих. Обмороки на почве перенюхивания случались. Один плюс – в доме ни одного таракана не осталось. Откочевали куда-то. А людям деваться некуда – люди остались. Но мы зря, оказывается на свиней грешили. Потому, что когда дядя Вася их продал, запах не изменился.

Или вот вам пейзаж в стиле диктора Левитана. Лето, жара +40, а жилец Авдеев, как какой-то граф, решил постираться. Влюбился он, видите ли, трусы у него, видите

ли, не свежие, причем обе пары. И чтобы воду не греть, он включил задвижку на отопление. Набрал из батарей горячей воды, а включить в противоположную сторону не может. Что-то с неисправностью в задвижке. Щечки в ней упали. Хана ей, одним словом. На улице плюс 40, в квартирах плюс 70. Плюс свиньи дяди Васи. Минус вся одежда. Все равно жара, как в сауне на верхней полке. Мы уже батареи одеялами и подушками закрывали – бесполезно. Окна настежь – не помогает. Только у жильца Белокурова какой-то ушлый прохожий окно спер. С петелек снял и унес.

У нас лишь жилец Лялямбалаев был доволен. Одел свой сшитый из матраса халат и ходит с чайничком, нелюдь косоглазая, «Якши» - говорит. На русский перевести – это «о кей» значит. А эвенк Никодим, тот вообще с непривычки взял,- да и во цвете пенсионных лет помер. Еле-еле мы заморозков дождались.

А так, живем довольно дружелюбно. Без убийств, то есть. У нас, вообще, в доме полный интернационал, не знаю какой по счету. Но, по паспорту все русские. Даже Лялямбалаев, этот мордвин поперечный, и тот, когда женился, национальность жены взял. А Миша Альтшуллер, который позорит гордое звание еврея своей нищетой и марафонскими запоями? Говорит, что такую фамилию ему в детдоме дали. И прямо по свидетельству о рождении. Про свою фамилию мне вообще говорить противно, но по паспорту я тоже русский.

Так, что у нас одна квартирка после смерти Никодима освободилась. Желающие пожить, отдохнуть, окрепнуть - приезжайте. Пока эта паскуда Семикрылов на второй этаж не прорубился. Я видел, он вчера зачем-то лом принес. Поэтому спешите. Будем рады.

СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО

Директору ФСБ, м-ру Кузнецову В.С. от директора ЦРУ М.р. Смита (очень секретно и очень лично).

Уважаемый мистер Кузнецов! Дорогой Василий Степанович! В первых строках своего письма наше управление свидетельствует вам свое уважение и радо сообщить, что у нас все хорошо, чего и вам желаем. Обратиться же к вам вынуждает следующее досадное недоразумение. Дело в том, что наш агент Уильям Джеймс Паунд (цветной словесный потрет прилагаю), под именем Митрофанова Романа Никитича, уже второй год не может получить московскую прописку. Из-за бюрократических препонов у него не принимают документы в ЖЭУ-94 (начальник некто мистер Пацюк Г.Р.) и агент Паунд вынужден уже длительное время жить в колодце на пересечении улиц Куйбышевской и Самарской. Своими мелочными и надуманными придурками типа «Почему Митрофанов - и негр?» м-р Пацюк довел агента Паунда до нервных срывов. А, как говорили древние греки, «нервный агент – плохой агент». Он страдает от холода (а у него проблемы с почками, анализы мочи прилагаю) и не может приступить к полноценной работе. Мы несем убытки, со своей стороны заверяю вас, дорогой Василий Степанович, что документы у Паунда – Митрофанова в полном порядке. А о справке 45/62 мои парни, когда готовили агента к легализации, еще не знали. Прошу содействия в этом пустяковом вопросе. Заранее благодарен. Крепко обнимаю, целую и т.д. и т.п., а также жму руку. Пишите как дела у вас. Как живет ваша дочка с мужем, а то наша агентура сообщает ужасное.

P.S. Мне очень неприятно, сэр, но если ваш агент Вальдшнеп (сенатор Дж. Беркли) не прекратит свои пьяные выходки, то, увы, нам придется его разоблачить. Он ставит нас в щекотливое положение, так как в моем сейфе уже лежит 28 заявлений от сенаторов конгресса и нижней палаты, что он – русский шпион. И сообщите, пожалуйста, Вальдшнепу (сенатор Дж. Беркли), что та информация о ракетах УСИ-2,

ради которой он пробрался в конгресс, помещена в журнале «ЦРУ мэгэзин» №3 за 1983 год. Журнал легко найти в любой университетской библиотеке.

И еще. Я советовался со специалистами и выяснил, что белая горячка агента Вальдшнепа (сенатора Дж. Беркли) никак не может быть осложнением после гриппа, как утверждает он сам окружающим. Скорее всего, она результат других известных причин и слабостей.

Остаюсь в совершенном почтении.

Искренне ваш, М.Р. Смит.

20 МЕТРОВ БЕЗ ПЛИНТУСОВ

– Милости просим, - гостеприимно распахнул дверь Пафнутьев.

Я вошел и скинул ботинки.

- Ну смотри, - гордо сказал Пафнутьев – Вот здесь у меня спальня. Чтобы отдохнуть между трудовыми вахтами.

У него был такой вид, будто он показывал мешок с золотом.

- Ага, - согласился я.

- А вот тут зал на 20 метров без плинтусов. Это когда гости придут, туда – сюда.

- Ясно, - кивнул я.

- А в этом месте туалет. Здесь я... ну ты сам понимаешь.

- Понимаю.

- Само собой кухня. И довольно обширная. С электропечью.

- Да! Здорово. Завидую, - я поглядел на Пафнутьева влажными глазами.

Возбужденный Пафнутьев свернул чертежик. И грустно добавил:

- Через пять лет обещали построить.

- Значит должны построить. Ты, главное, верь.

- Я уже 18 лет верю. Ну ладно, давай смотреть телевизор, сейчас начнется.

Он протянул руку к дальней стене и щелкнул выключателем. Экран зажегся и осветил комнату Пафнутьева.

Все 12 квадратных метров.

ЧЕТЫРЕ ПРИЗНАКА ТОГО, ЧТО ЖИЗНЬ НЕ УДАЛАСЬ

I. Вам уже сорок, а вы до сих пор не женаты

II. Вам уже сорок, а вы до сих пор женаты

III. Вам уже сорок, а вы до сих пор.

IV. Вам уже сорок.

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

- Слушай, у тебя что – ни будь с Нинкой было?

- Ну.

- Что «ну»?

- С какой Нинкой?

- С буфетчицей.

- Надеюсь

- Не понял.

- Надеюсь, что было. Но точно не помню. Водочная амнезия.

- Она говорит, что не было.

- Наговаривает она на меня. Как это не было, если вместе спали. Хотя жаль.

- Чего жаль?

- Жаль, если не было. А баба она справная. Особенно, если раздеть.
- Ты что, ее голой видел?
- Говорю же тебе, не помню. Провалы в памяти. А ты чего про нее выпрашиваешь?
- Ты не согласишься, вчера ей предложение сделал. В смысле замуж.
- На хрена?! Так что ли нельзя договориться?
- А я помню? Помню, как от тебя уходил, как в автобус садился, а дальше все...

Пропать забвения.

- Ты что, дурак? У нее же двойняшки. И неизвестно от кого.
- Как это, неизвестно? Нинка-то, что про их отца говорит?
- Что говорит! Что говорит! Говорит, что не помнит. В компании было.
- Как это не помнит? Ведь кто-то что-то видел.
- Я же говорю, в компании, тут Новый год как раз. Никто ничего не помнит.

БЛИЖЕ К ПОЛУНОЧИ

Я опоздал на семь минут. Торопливо разделся и прошел в комнату.

- Началось – сообщила жена, не отрываясь от экрана. – Уже двоих убили.
- Есть какие-нибудь зацепки? – я уселся рядом.
- Одного нашли в канале без головы. Вторая женщина, 35-40 лет, одета неброско. Обнаружили в шкафу с веревкой на шее. Подозревают вот этого блондина, но у него алиби, хотя и не убедительное.
- Не нравится мне его физиономия. Рыжие они всегда извращенцы и насильники. Вспомни «Окно спальни».
- Ты подозреваешь сексуальные мотивы?
- Скажем так, не исключая? Эта версия ближе к полуночи самая перспективная.
- Дождемся все-таки результатов экспертизы, но по-моему ты тянешь «пустышку».

Интуиция и опыт ее не подвели. Рыжий оказался частным детективом.

- Может этот, в парике?
- Вряд ли, - засомневался я – Уж больно стар. К тому же костыли...
- А вспомни «Смерть в курятнике». Те же костыли. Думай быстрее! У нас мало времени.

Тут как всегда в 22.—в нашем районе вырубил свет и экран погас.

-Ну кто тогда, кто? – в отчаянии прошептала жена.

Я закурил и, глядя на таинственное пламя свечи, задумчиво сказал-

- Вот в этом, Маша, нам и предстоит разобраться.

P.S. Утром на работе я узнал, что убийцей была какая-то Джейн из фильма, шедшего на соседнем канале. Странная эта вещь – электричество.

ПИСЬМО

- Ты чего такой? – спросил я Васю. – Как расстрелянный ходишь.
- Легкое похмелье, - горько сказал он, потрогал в нескольких местах голову и уточнил, - но в очень тяжелой форме.
- Ты смотри, здесь не наблюй. А то взял моду, - подал голос Куприянов, отрываясь от кроссворда.
- А не пошел бы ты, - через силу огрызнулся Вася.
- Чаю хочешь? У меня в термосе есть, - сказал Куприянов. Когда с ним грубо, он всегда заискивал.
- Давай, - грустно согласился Вася.

Куприянов расстегнул портфель.

- А чего без сахара? – привередливо поморщился Вася.

Куприянов пошарил в карманах плаща и извлек оттуда разноцветную карамельку.

- Спаси Христос, - на лице Васи сложная гримаса. Как у человека, размышляющего, что ему лучше повеситься или утопиться.

- А к Зинке не ходил? – сочувственно спросил я.

- Ходил. Нету.

- Может у снабженцев чего есть? Или у Воеводина? – это уже Куприянов.

- Воеводин в отпуске, - сказал я. – А снабжение все на базе – вагон принимают.

- Будем тогда помирать, - с вялотекущим оптимизмом сказал Вася.

Он закурил и мрачно произнес-

- Блевануть здесь, что ли?

Куприянов обеспокоился:

- Ты давай это... Ты давай на улицу иди. Свежий воздух он помогает.

Вася молча вышел. Куприянов проследил за ним через стекло и поделился:

- К Зинке опять пошел.

Потом сказал:

- Бальный танец. Восемь букв.

- Краковяк, - предположил я.

- Если «краковяк», тогда «дервиш» не подходит.

- Слушай, Куприянов, - сказал я, - иди к черту. Не видишь я занят – письмо родственникам пишу.

- Ну пиши, пиши, Шота Руставели, - слегка обиделся Куприянов. – Уж и спросить нельзя. Ты бы лучше вместо письма посылку послал. А что письмо? Бумага.

- Ну ладно, - я поправил на голове кепку. – Если что, я в столовой.

- А чего там в столовой? – оживился Куприянов. – Баранину под зарплату дают?

- Да нет, там повариха, говорят, какая-то новая. Пойду познакомлюсь. Глядишь, что и обломится. А ты здесь сиди. Если с третьего цеха будут звонить, скажи, что еще не готово. Скажи работы много, не успели.

Через полчаса я печальный и отвергнутый возвращался назад. «С такой жопой и така грубиянка», - философски думал я, сплевывая в каждую лужу.

Куприянов был на месте, только кроссворд перед ним лежал уже другой.

- Васю не приносили? - я заглянул за занавеску.

- Зинка звонила, сказала, что у нее спит. Уже никакой.

- Насчет тазика предупредил?

- Предупредил.

Я снова сел за письмо. Прочел начало: «Здравствуйте, дорогая тетя Фаня! У меня все хорошо. Работаю инженером на заводе. Работа трудная, но интересная. Коллектив у нас дружный. Старшие товарищи помогли мне быстро освоиться с напряженным ритмом производства...»

Я с отвращением поглядел на лысину Куприянова и скомкал письмо.

- Слышь, Куприянов, у тебя посылочного ящика дома нет?

РОЩА

(по материалам вчерашних газет)

Однажды Иван Петрович Кнутов с одной знакомой и легкомысленной девушкой пошел погулять в рощу, что за городом, и их там изнасиловали неизвестные в масках и презервативах. Особенно Ивана Петровича. Иван Петрович как

законопослушный изнасилованный гражданин сразу же заявил в милицию. Поехали в рощу милиционеры с Иваном Петровичем, чтобы на месте составить картину преступления, и их там тоже всех изнасиловали. Особенно Ивана Петровича и служебную собаку по кличке Баскервилей.

Об этом страшном случае заговорил весь город, а по радио, на всякий случай передали лекцию о венерических заболеваниях. Вызвали омоновцев, и они с автоматами прочесали рощу вдоль и поперек, но никого не нашли. Однако, когда прочесывали поперек, неизвестными в масках и омовской форме был изнасилован начальник омона подполковник Мамогин (фамилия по непонятной причине не изменена).

Рощу оцепили, поставили предупреждающие таблички и начали ждать следственную бригаду из Москвы, а подполковнику Мамогину досрочно присвоили очередное звание «майор».

Головы местных пинкертонов шли кругом. Подозрения падали то на сексуального маньяка Негрейко, которого расстреляли в прошлом году, то на инопланетян, то на армянскую диаспору, представленную в городе семидесятилетним сапожником Грачиком Манукяном.

А жена Ивана Петровича, Любовь Николаевна, узнав из газет о легкомысленной девушке и внебрачных приключениях мужа, выгнала его из дома. Выпил Иван Петрович с горя и решил пойти в рощу, чтобы провести там, как принято на Западе, независимое расследование. В роще он обнаружил какого-то неизвестного и, спяну, его изнасиловал. Неизвестный оказался мужской частью скульптурной композиции «Рабочий и крестьянка», вывезенной на свалку по идеологическим соображениям.

В это время жена Ивана Петровича, Любовь Николаевна немного остыла, ужаснулась содеянному и побежала в рощу искать мужа. А Иван Петрович в это же самое время немного протрезвел, тоже ужаснулся содеянному и решил наложить на себя руки. Но тут к нему подошли трое неизвестных в масках, и он наложил в штаны. Хотели они изнасиловать Ивана Петровича за то, что он изнасиловал человека на их территории, но в этот момент из кустов выскочила жена Ивана Петровича и задержала всех троих преступников. Предварительно, естественно, их изнасиловав.

Тут и банде конец, а кого не изнасиловали, тот молодец.

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Что за мир! Ненависть нормальна. Любовь нет. Влюбленных гоняют, как черных котов, хотя на словах все «за» и многие даже с симпатией.

Разврат привычен. Любовь непонятна и пугает. Любовь выпадает из этого рационального мира, поскольку всегда иррациональна. Она необъективна и ее нельзя купить. И это многих бесит.

Женятся не по факту любви, а по факту неосторожности. А сколько не оплаканных никем, не вышедших из темноты и ушедших в темноту убитых крошечных жизней? Все меньше подарков от жизни. Все больше подарков себе. Это неинтересно. Нет элемента халявы.

Влюбленные всегда счастливы, даже когда несчастны. Любовь- это когда испытываешь счастье к другому. Это всегда лучше, чем стоячая рыба- кровь.

Когда человек уже не способен испытывать любовь, он становится философом. А жены философов становятся стервами. Тот же Сократ и Диоген. Мужчина, который только говорит и ничего не делает, даже глупостей – это ужасно. Философия – это всегда смирение и простатит. Она слишком скучна, чтобы быть верной. Так, что не мешайте влюбленным. Если сами не можете, то хотя бы не мешайте. И не давайте умные советы. Любовь их переселит.

Есть много людей, которых никто и никогда не любил. Но каждого из нас кто-нибудь когда-нибудь ненавидел.

Ненависть как бумеранг. В ней легко добиться взаимности и многие выбирают более легкий путь. Они ненавидят весь мир, хотя можно ограничиться одним человеком. Самим собой.

Ненависть подкупает дешевизной – не надо дарить подарков и тратить на цветы и фрукты. Ко всему больше объектов, на которых можно остановить свой просвещенный взор, усиленный прищуром.

Ненависть – всегда замаскированный страх. Она оттого, что страшно. Это инстинкт самосохранения. Нельзя ненавидеть слегка или очень. Можно только ненавидеть. Нюансов нет. Можно разлюбить. Но нельзя разненавидеть.

Я не против того, чтобы не было ненависти. Я лишь за то, чтобы было больше любви. Хотя может быть это и не мое собачье дело. Ведь ни в том, и ни в другом я так и не преуспел.

ЛАМПОЧКА

Однажды полковник Кравцов вкрутил в подъезде лампочку, чтобы люди не падали в темноте на лестнице. Ночью лампочку сняли. Тогда Кравцов на следующий день вкрутил следующую лампочку. Ее тоже сняли. Кравцов вкрутил еще. Сняли еще. Тогда Кравцов психанул, вкрутил лампочку и поставил у лампочки часового. Часового тоже сняли.

АВАРИЯ

Сначала с утра появился слух. Несмелый такой. Что, мол, на заводе авария с человеческой жертвой. Что, мол, по кускам собирали. Дальше, больше. Заговорили все. Журналисты – собаки пронюхали. Приезжали на завод, выспрашивали подробности. На заводе приездам и вопросам искренне удивлялись и наотрез отказывались. Мол, ничего не было. Но кто им поверит?

Наконец в обед директору завода Семену Филипповичу позвонил сам губернатор. И тоже насчет аварии и ее человеческой жертвы. Семен Филиппович по-военному четко ответил, что аварии нет и не наблюдалось и завод работает стабильно, то есть с опережением ускоренного графика и со значительной экономией зарплаты. Жертв и разрушений пока нет. Губернатор сказал: «Смотри у меня» и дал отбой.

Семен Филиппович задумался и в таком болезненном состоянии вызвал всех начальников цехов и подразделений к себе. А, вызвав, потребовал усилить технику безопасности. Всех, кто без касок, лишать премии на 50 процентов. Кто без респираторов на 10% и предупредил: «Смотрите у меня». Из кабинета начальники вышли тоже задумавшиеся. Особенно главбух. Какая у них в бухгалтерии может быть техника безопасности? В касках, что ли сидеть? В рукавицах? Или по наряду работать? И, придя к себе в бухгалтерию, отпустил беременную Свиристелкину домой. Так, на всякий случай.

А в конце рабочего дня все и случилось. И авария и ее пресловутая жертва. Одного профессионального электрика током поразило и довольно основательно поразило, даже каска поплавилась. Он своим нетрезвым телом закрыл доступ электричества на завод и весь завод встал, кроме жестяночного цеха. Лишь к утру аварию ликвидировали и запустили все цеха, опять же кроме жестяночного, где вчера выдали зарплату. А электрик ничего,

отлежался, и показал чудеса живучести. Ему только указательный палец на левой ноге ампутировали и все. Через месяц выписался.

Семену Филипповичу вставили, конечно, по самое, как говорится, не хочу. И во всех местных газетенках, и лично из рук губернатора. Что он, мол, об аварии замалчивает и факты не в ту сторону фальсифицирует. Такие обвинения. И как он не клялся, как протоколом несчастного случая не махал, никто ему не поверил.

Эту историю я не выдумал. Все так и было на самом деле. С научной точки зрения этот факт необъясним. С ненаучной объясним, но пахнет лысенковщиной. Но факт остается фактом. Народ не обманешь.

КОГО ЛЮБЯТ ЖЕНЩИНЫ

Женщины любят красивых мужчин. Если не красивых, то хотя бы сильных. Если не сильных, то хотя бы богатых. Если не богатых, то хотя бы умных. Если не умных, то хотя бы порядочных. Если не красивых, не сильных, не богатых, не умных и не порядочных, то они просто выходят замуж.

ОН

Стою раз за столиком, пью пиво и прямо физически ощущаю, как башка проходит. Похмеляюсь, короче. Тут он со своей кружкой рядом встает. И начинает мне с ходу что-то рассказывать. Что-то типа «как я провел лето» Гляжу на него - мужик малознакомый. В первый раз вижу. И трезвый, в смысле не пьяный. А он все рассказывает. Про армию начал. Как он на учениях на танке... Потом как в больницу попал. Из того же танка. Как его чуть не посадили. Потом мы с ним бутылку взяли – калибр увеличили. Пьем, таранькой закусываем. А он все развивает. Про детей, про больную жену, про корову. Или наоборот, про больную корову и жену. У меня к тому времени мысли стали путаться от его разговоров. Из деревни мужик. Простой очень. Или наоборот, очень хитрый. Язык без костей. Хотя у кого он с костями? И он им мелет и мелет. Чувствую меня уже колотить начинает. Но делаю вид, что слушаю. Через силу делаю. Наконец бутылка кончилась. И я первый раз в жизни испытал облегчение от того, что кончилась бутылка. Обычно я из-за этого ужасно расстраиваюсь и с расстройства напиваюсь. А тут обрадовался даже. Он мне говорит:

- Давай еще возьмем. Я тебе про нашу свиноферму расскажу. А у меня уже головокружения начались. И легкая испарина под мышками. Чувствую, сейчас в обморок отрублюсь. Сорвусь, чувствую. Или ему морду набью, или сам с ума сойду. Или все одновременно. Лишь бы он замолчал.

- Нет, - говорю твердо, - про свиноферму не надо. Я вегетарианец. И вообще мне пора. Дети некормленные.

Наскоро попрощался и ушел.

Иду, а самого всего трусит. Как будто вагон известки натошак разгрузил. Кто он, думаю, дурак или какой-нибудь энергетический вампир? Видит, человек ослабевший, с похмелья и энергию отсасывает.

Остановился я у другого пивного ларька, взял кружку, а самого распирает. Подошел к какому-то мужику, видать тоже похмеляется. И начал ему рассказывать эту историю. И во всех деталях.

ОБМЕН

- Когда мы выпили уже прилично, он спросил:
- Слушай, а тебе жена не надоела?
 - Надоела не то слово, - осторожно ответил я.
 - Мне моя тоже, - признался он, думая о чем-то грустном. И вдруг предложил:
 - Слушай, а давай меняться.
 - Как это?
 - Ну как, как... Я тебе свою жену отдаю, а ты мне свою.
 - А твоей сколько лет?
 - Тридцать три
 - Моей примерно столько же. А готовит хорошо?
 - В юности на повара училась.
 - Значит плохо. Моя, кстати, тоже так себе. А когда выпьешь сильно ругается?
 - Да не очень. И на опохмелку дает.
 - Подходит, - сказал я и с замиранием спросил. – А в постели она как?
 - Если честно, есть проблемы, даже к врачу ходили.
 - А что такое?
 - Частенько храпит во сне.
- Я расстроился, вечно мне не везет.
- А твоя ночью как? – тактично спросил он.
 - С моей тоже не слава богу. Пинается, когда спит и одеяло на себя постоянно стаскивает.
 - А зима не за горами, - прикинул он. – Зимой без одеяла плохо.
 - Твоя моей стоит, - взвесив все, сказал я. – Давай махнем.
- Мы уже хотели ударить по рукам, но тут я вспомнил о самом главном.
- А твоя сколько получает?
 - Сто, - понурился он.
 - А моя сто шестьдесят.
 - Да-а, - завистливо сказал он.
 - Да-а, сочувственно согласился я.
- И обмен не состоялся.

КОГДА ПРИРОДА ОТДЫХАЕТ

У Ферульских сын – вундеркинд. На скрипочке играет. Сюиты исполняет и гаммы. Кроме того – спортсмен. Недавно олимпиаду выиграл, правда, по математике. В газетах даже было. Одним словом – гордость школы.

Видел я этого белобрысого гения. Ничего особенного. Мой даже упитаннее. Но на моем природа отдыхает. У природы наш род Мышенковых только для отдыха. «А-а, говорит природа, - у Мышенкова Егора Ивановича сынок родился. Вот на нем-то я и отдохну». Природе говорят: «так ты уже на Егоре Ивановиче отдохнула». А она: «А это ничего. Я и на сыночке тоже отдохну. Устала очень».

И отдыхает, паскуда. А меня, Егора Ивановича, на педсовет. Сынок, говорят у вас балбес балбесом, даром, что курит и бриться начал. Второгодник, мол, но это не усидчивость. Дебил, но это не французская фамилия.

Человек я принципиальный. Око за око. Природа на мне отдыхает? Тогда я на ней тоже отдыхать буду. Чуть выходной я на машину и за город на травку. К воде. Рыба там хорошо ловится. Особенно на динамит. Зимой охота. Да из-под фар. И парнокопытных у природы меньше. Вот так и отдыхаем. Природа на мне, я на природе. Так, что в расчете. Баланс сил и усилий. Но это слабо утешает. Слабо. Особенно когда этого вундеркинда со скрипочкой вижу. Зло берет

МИТРОФАНОВ

Под глазом синяк. В волосах солома. Брюки разорваны неизвестной собакой. Это - я. Я иду за хлебом. Но хлеб – отговорка. В заднем кармане у меня – на бутылку. А когда в кармане на бутылку, знакомые чувствуют это каким-то верхним чутьем. И все почему-то с похмелья и без денег. Когда же страдаешь сам, ни одного знакомого, конечно, не встретишь. Это закон подлости, проверенный веками.

Я купил теплую буханку. С мнимым равнодушием подошел к ларьку. Вот она, в самом углу. Повертел головой – вроде никого. И сунул деньги продавщице. Бутылка была тяжеленькая и приятная на ощупь. Симпатичного изумрудного цвета. Пузырьки внутри таинственно играли, обещая избавления. Я ее спрятал на самое дно сумки, прикрыл тряпочкой, буханку наверх. Потом, спохватившись, пощупал горлышко – не течет ли? Вроде нормально. Не успел отойти – навстречу Митрофанов. Издалека тянет руку для пожатия, настойчиво улыбается. Ясное дело – с похмелья.

-Что, - прозорливо спрашивает он – пузырь взял?

Отказываться глупо. Признаваться еще глупей. Что-то мямлю, кажется, краснею.

-Кто это тебя? – Митрофанов прищурился на мой синяк. На лице сложная гримаса сочувствия и заботы.

-Не помню, - с облегчением говорю я наконец правду.

Тут из-за угла появляется кривоногий как умывальник Рома Жуков. Идет пружинисто и целеустремленно. Так ходят обычно за водкой. Глаза Митрофанова делаются пристальными и одновременно ироничными.

-Ну-ка, ну-ка, -оживляется он. Мы с ним заходим за ларек. Жуков просовывает лысеющую голову в амбразуру торговой точки и счастливым голосом говорит:

- Нюра, мне три штуки. Которая по 110.

Он, стараясь не стукать, бережно складывает водку в пакет и слышит сзади участливое:

-Рома, давай помогу, - это Митрофанов.

Спина Жукова дергается, как от выстрела. Он затравленно поднимает лицо уже без признаков счастья.

-А-а, это вы... - растерянно улыбается он. Ему не хватает искренности. Вид, как у загнанного в угол хорька.

-Ну я пошел, - торопливо говорю я.

-Ага, - невнимательно соглашается Митрофанов. Он занят обниманием Жукова за плечи.

-Да там целая толпа сидит, - отнекивается Жуков, жестикулируя свободной рукой.

Я прибавляю шаг.

Федя в ожидании прогуливается у ворот и сбивает гибкой палочкой головки одуванчиков.

-Наконец-то. Тебя только за водкой посылать, - ругается он, но сам весь светится.

-Хоть бы огурцов нарвал, - недовольно оглядываю я пустой стол.

-Зачем? – поражается Федя. – Ведь хлеб есть.

Он разливает. Пьем. Жуя корочку, я рассказываю про Митрофанова.

-Правильно, - одобряет Федя. – Он постоянно так. А тут и самим пить нечего.

Из его расслоившихся сандалий выглядывают грязные пальцы с выступающими на полсантиметра ногтями. На руке память о бывшей жене – наколка «Надя». Рука с наколкой тянется к бутылке, но тут звякает калитка. Кто-то заходит во двор. Федя, отогнув занавеску, встревожено глядит в мутное от мушиных экскрементов окошко и тихо матерится.

-Кто? – шепчу я.

-Митрофанов! Выследил, гад.

На дверях дома фигурирует замок, но Митрофанов с похмелья почище Шерлока Холмса. И он, злодейски улыбаясь, уверенно направляется к летней кухне. Через секунду открылась дверь.

- Здорово! Вот вы где! А я там гляжу закрыто. А вы здесь.

-Здорово! Чего хотел? – Федя демонстративно наливает всего две стопки.

-Да, бутылку не с кем выпить, пожаловался Митрофанов, хлопая себя по пиджачному карману, который выпирал.

-Федя, провокация! – хотел крикнуть я, но было поздно – Митрофанов уже расположился за столом и закуривал наши сигареты.

-Слушай, - спросил я его - у тебя в роду евреев не было?

-Еще чего! – оскорбился Митрофанов и, не дожидаясь нас, выпил.

-Ты, говорят, кодировался на 1-ое Мая. Мораторий объявлял – поинтересовался Федя.

- Ошибка молодости, - нехотя объяснил Митрофанов и заволновался – Ну что, будем пить или глазки строить?

Мы допили остатки.

- Ну, доставай свою, - наивно сказал Федя Митрофанову.

Я почувствовал недоброе. Но Митрофанов продолжал удивлять и достал совсем из другого кармана бутылку. Правда, лимонада. И, отпив, нагло предложил:

- Будете?

- А ты – жук – сказал Федя.

- Стремимся помаленьку, - согласился Митрофанов, оглядываясь на дверь. Но Федя перегородил дорогу...

Под глазом синяк. В волосах солома. Пиджак разорван. Но это уже – не я. Это – Митрофанов.

СОЖИТЕЛЬ

История это приключилась давно. Еще в прошлом веке. И даже еще при социализме. Были мы тогда в командировке в одном тьму - тараканьем месте. Нас окружала раскаленная степь с небольшим уклоном в пустыню. Что мы там делали неважно, но нам за это хорошо платили. И был среди нас один рядовой паренек. Вася. Чистая голубоглазая душа. Только что после школы, только что из деревни и, по слухам, только что женился. На городской. Такой работающий и еще не заплеванный жизнью паренек.

После работы мы, поужинав макаронами и повесив сушить портянки, играли в карты. В пресловутую «буру». А Вася, еще не отвыкший от уроков, читал книгу.

- Дядя Паша, - однажды спросил Вася у бригадира, как у старшего и доброго товарища, - а кто такой сожитель?

- Зачем тебе? – спросил дядя Паша, тасуя колоду.

- Да в книге попало. Вот написано «у графини был сожитель».

Дядя Паша положил карты на стол и немного подумал.

- Как бы тебе объяснить поделикатней, - наконец сказал он, непредсказуемо блестя глазами. – Вот ты сейчас где находишься?
 - Как «где»? Здесь, – удивился Вася.
 - Где «здесь»?
 - Ну, в вагончике.
 - «В вагончике...» А пока ты здесь в вагончике, кто с твоей женой спит?
 - Кто спит? – тупо спросил Вася.
 - Сожитель! – торжествуя сказал дядя Паша, подняв указательный палец к потолку, и даже радостно потряс им в воздухе.
 - Какой сожитель? – совсем тупо спросил Вася.
 - Ну сожитель. Вы с ним вместе с женой живете. Когда ты дома – ты с женой живешь. Когда ты в командировке – он с ней живет. Сожитель, одним словом. У всех так. А ты что, не знал?
 - А-а, - слабо сказал Вася, отложил книгу и отвернулся к стене.
- А дядя Паша, этот старший и добрый товарищ, подмигнул нам и спросил:
- Ну что, орлы, еще конок?
- Мы давились от смеха.

Когда мы проснулись утром, Васи в вагончике не было. Его вообще нигде не было. Лишь заправленная постель и одиноко лежащая книга про графиню. Видимо он подался в сторону аула «Осовиахимовец», откуда два раза в неделю ходил до города «Пазик». До аула, если идти без дорог через опасные солончаки, было 48 километров.

Дядя Паша чувствовал себя козлом, но бодрился.

- Ничего, - зло утешал он себя, - через недельку вернется. Помилуется с бабой и вернется. Я ему еще вставлю. За срыв графика. Теперь вот месить некому. Шутки не понимает. Сожитель, твою мать.

Говорил он почему-то телеграфными фразами и нос его пунцовел на солнце интенсивней обычного.

Но Вася не вернулся через недельку. Мы узнали, что ему дали три года за драку, а вернее за избиение «сожителя». И что с ним случилось дальше, я не знаю.

Вот так случается в жизни, дорогие россияне. И только так почему-то.

МИХАСЬ

Снимал я когда-то жилье в старом районе города, где подешевле. Вообще-то я и сейчас снимаю жилье, но это было за две квартиры до этой. С деньгами дела обстояли скверно, но все же я накопил предоплату за 3 месяца и снял.

Хозяина звали Михась, а квартирка оказалась просто омерзительной – сновали крысы, под ногами хрустели тараканы, мокрицы какие-то. Я сразу понял, что сильно переплатил, но деваться мне было решительно некуда, и я снял. Потравил весь этот живой уголок, заделал норы, все вычистил и отскоблил, повесил занавесочки и приготовился зажить счастливо – тихие вечера с чаем и вареньем, жаркие ночи с Наташей из ПТО... Но не получилось. Каждый вечер ко мне приходил хозяин квартиры Михась и сидел до полуночи. Как и аппетит он приходил почему-то всегда во время еды, хотя я и ужинал в разное время. Попахивало мистикой. Он вешал свое дорогое пальто на гвоздик и говорил, ласково улыбаясь:

- А-а, давай и мне, что ли, накладывай!

С таким видом, как будто его долго упрашивали и он, скрепя сердце, наконец, согласился. А аппетит у него был всегда чудовищно хороший. Я с грустной тревогой следил, как стремительно уплывали мои последние продукты.

Продукты он запивал водкой, принесенной с собой. Видимо, дома ему не давали по-человечески выпить. Курил он безобразно много, одну за одной, но своих никогда не имел. Довольствовался моими. Правда, однажды и он пришел с сигаретами, но свои курил очень сдержанно – за весь вечер всего одну штучку. Отужинав, он закладывал ногу на ногу и начинал рассказывать о своих успехах в бизнесе, причем легко оперировал такими цифрами, что меня охватывала завистливая дрожь. «Врет»! – убеждал я себя, но он не врал – несколько раз я видел у него толстенькие пачечки зеленых денег. У меня же постоянно задерживали зарплату.

- А что бабу никакую себе не приведешь? – часто спрашивал Михась.- Приводи, но чтобы только я не видел.

Но как, как я мог привести Наташу – днем я работал, вечером сидел он. И я угрюмо отмалчивался.

С бизнеса он переходил к более общим вопросам, чаще всего к ценам на машины. О каких-то «ауди», «девятках» и «шестерках», о цилиндрах и их головках. Темы для меня сюрреалистические и запредельные. И мне он был абсолютно скучен. Чувства Михасю заменяли примитивные арифметические действия. Но приходилось терпеть – я боялся потерять жилье.

Когда далеко за полночь он наконец уходил, я обессиленный его разговорами, валился на диван и долго не мог унять сердцебиение ненависти.

Между тем моя экономика трещала по всем швам и заплатам. С появлением Михася расходы на еду и курево увеличились вдвое. Было такое ощущение, что я погружаюсь в какую-то страшную бездну. Чтобы как-то выжить, я стал покупать самые дешевые и отвратительные продукты. Питался пустой гороховой кашей, отваривал сою и пшено. Есть эту дрянь было чрезвычайно трудно – но Михась ел с прежним аппетитом. Видимо сознание того, что это- халява, морально его поддерживала.

Постепенно мы сблизились. Вернее я остался на месте, приблизился он.

- Ты же мой друг, – убеждал меня Михась, подвыпив. Он ударял кулаком по столешнице и неестественно громко скрипел зубами. Иногда в его бедокурных глазах блестели слезы.

Но, тем не менее, плату за жилье он мне повысил. Знал, что мне некуда деваться. И даже взял деньги вперед. Стало еще хуже. И одновременно очень легко. Видимо, я наконец погрузился в бездну. И была в моей нищете какая-то тихая внятная прелесть и удивительная свобода. Наверно оттого, что меня окружали только свет и пустота.

А Михась все приходил и приходил, снова рассказывал о ценах и успехах в бизнесе, звонил куда-то по сотовому, показывал фотокарточку своей машины, которую носил в бумажнике возле сердца, как другие носят фотографии жен.

Однажды он пришел трезвым, поел гороховой каши, но добавки почему-то не попросил. О бизнесе он тоже в этот вечер не распространялся, а сразу перешел к вопросам дружбы.

- Ты мой единственный друг,- с надрывом сказал он. - Понимаешь, единственный. Я тебя люблю. – Михась неожиданно обнял меня, заскрипел зубами и как-то обречено махнул рукой. С тем и ушел. Ушел необычно рано.

«Может он действительно мой друг», - думал я ночью. – «А я к нему так отношусь». Мне вдруг сделалось нестерпимо стыдно. Я почувствовал себя редкой сволочью.

Три дня после этого не было никаких визитов, а на четвертый пришли двое в норковых шапках и с ними уса́тый милиционер. Они показали мне бумаги о покупке этой квартиры и дали два дня срока для выселения.

- Но у меня же заплачено... - бессвязно бормотал я. – За три месяца вперед. До июня заплачено...
- Это твои проблемы, - равнодушно сказал усатый милиционер и был абсолютно прав.

Все вокруг были абсолютно правы. Даже Михась. Не прав только я один. А в чем, непонятно.

Ни фамилии, ни адреса Михася, я конечно не знал, а эти трое не говорили. Искать его в огромном городе было занятием праздным и бесполезным. В каком-то отупении я начал механически собирать одежду, свое имущество. Было такое ощущение, что я собираюсь на тот свет...

Прошли годы. Иногда, когда мне не спится, я вспоминаю Михася. Его разговоры, скрипение зубами, его хороший аппетит... Где он сейчас? Единственный в мире человек, который считал меня своим другом...

МОРОЗ И СОЛНЦЕ

Нынче мороз. Дыхание спирает. Люди ходят по улицам резво, задрав воротники и держась руками за уши. Все краснощекие, но это – не здоровье. Все красноносые, и это – алкоголизм.

Зимой люди много спят, но все равно сонные. Много едят, но постоянно голодные. На первый план выходит проблема теплой одежды. Часто случается вопиющее. Например, моль съела дубленку, в которой вы твердо рассчитывали проходить до пенсии. А в фуфайке вас никто за врача не принимает. В лучшем случае за ветеринара. И главное, спросить не с кого – моль уже улетела.

Из дома выходить канителью – одеваться только двадцать минут. И обидно, что где-нибудь в подворотне раздеть вас могут во много раз быстрее. И вашу ондатровую шапку под кролика, которой вы так гордитесь, с головы снимут. Поэтому зимой все сидят у телевизора и зевают. Все понимают, что по телевизору показывают одно дерьмо, но тем не менее досиживают до «не забудьте выключить телевизор», чтобы полнее и ярче убедиться, что это действительно дерьмо. Спать ложатся раздраженными и злыми. Вся энергия ушла на переключение каналов.

По этой причине сексуальная жизнь во многих семьях зимой едва-едва теплится. Особенно там, где плохо греют батареи и дует из всех щелей. В таких условиях способны размножаться только пингвины и эскимосы. Одно хорошо – не портятся продукты. Но портится характер у жены.

Скучно зимой. На работу идешь – еще темно, с работы – уже темно. А в цеху у вас темно постоянно. Поэтому встает во всей остроте и бесперспективности проблема отдыха от работы и досуга у телевизора.

У мужчин отдушина – это рыбалка и охота по выходным дням и ночам. Еще загодя они начинают перебирать снасти, подшивать валенки, любовно протирать ружья и бутылки. Рыбалка считается состоявшейся, если коллективными усилиями удастся продолбить хотя бы одну лунку, чтобы зачерпнуть воды и разбавить привезенный с собой спирт. Главное отличие рыбалки от охоты в том, что на охоте спирт разводится дома. Охота считается успешной, если никто не попал из ружья по товарищу. Если же удастся добыть зайца, охотник приобретает степенность, у него становится гордой посадка головы, и он к месту и не к месту употребляет слова: «однако», «мало-мало» и «охреневшая морда».

Зимой легко обмануться. Я имею в виду знакомство с женщинами на улице. Шуба скрывает все особенности фигуры, а лицо укутано так, что виден только

носик и весьма симпатичный носик. Ко всему глазки выразительно блестят. И вот вы, как последний идиот, клюете на этот носик и эти глазки и заводите специальный разговор, например, о погоде или возмутительной дороговизне спиртного. А потом провожаете ее до автобуса. Завязывается интрига. Вы водите ее в кинематограф, сидите там «обнявшись», обтираете побелку в подъезде, и губы у вас обветриваются от поцелуев на морозе. Сердце-вещун твердит: «Это - она! Бля буду, Леша, это - она!». И вот вы, опять же, как последний идиот, наслушавшись сердца, решаете показать ее родителям. И вот она у вас дома и вы впервые видите ее без шубы и пухового платка. Впечатление, что и говорить, сильное. Конечно, вы любите жопастьеньких девушек, но нужны же какие-то разумные пределы! Волосики у нее реденькие, чахлая грудь и обвислый, как у матери – героини, живот. Подлое сердце уже не говорит «это – она!», а молчит, как будто оно здесь ни причем. Мать радостно хлопчет, ей лишь бы поскорее вас женить. Отец же, как мужчина, несомненно потрясен вашим выбором. Он отводит вас в сторону, и, вспоминая все, и грустно спрашивает: «По пьянке что ли?». Вот так. И главное, девушка здесь не причем. Во всем виновата зима. Летом вы бы так не лопухнулись.

Зимой скользко. Люди брякаются на иных участках, как будто по этому месту сядят из пулемета. Сплошь и рядом закрытые переломы, которые после первой медицинской помощи, оказанной сердобольными прохожими, становятся открытыми. Не говорю уже о вывихах, ушибах и сотрясениях.

Только человек, незнакомый с аграрным сектором экономики, мог написать: «Зима. Крестьянин, торжествуя...». Крестьянин зимой не торжествует. Потому, что двухгодичный запас кормов, заготовленный летом, через два месяца, т.е. к январю имеет прискорбное обыкновение кончаться. Зимой торжествуют только таксисты, потому, что в холод клиент не жметя, и драматические актеры – у них новогодняя халтура.

Но хуже всего зимой очкарикам. В магазин, в автобус невозможно зайти – стекла сразу запотевают. Я знаю, что говорю. Я сам очкарик. Вы заходите в автобус и теряете всякую ориентацию, потому, что ни фи́га не видно. Вас толкают, наступают на ноги, обшаривают карманы – вы беспомощны. Кричать начинаете только через две остановки, когда отпотеют очки.

Но не все зимой так плохо. Надо же быть оптимистами. Есть коньки, лыжи. Наконец, санный спорт. Бобслей, черт возьми. Домино и карты. Новогодний хоровод. Так, что, повторяю, не все так плохо. Но, если откровенно, то и не все так хорошо. Зима есть зима. Но у нее есть одно замечательное свойство – рано или поздно она заканчивается.

ПРО ФАТОВА

У Фатова в трамвайном катаклизме какая-то ловкая сволочь вытащила из кармана на ягодице бумажник и денег у него не стало.

Огорченный Фатов, чтобы обезопаситься от прецедента начал ездить только на такси. И денег у него стало меньше прежнего.

Тогда Фатов поднатужился, подключил тещин чулок и купил автомобиль марки горбатый «Запорожец». Но заправка, ремонт, запчасти, возведение гаража, штрафы и техосмотры отняли у него столько средств, что Фатов в один роковой момент понял, что он нищий, да к тому же с огромными долгами. И он стал ходить пешком.

Так повседневная действительность приучила Фатова к здоровому образу жизни.

Образ жизни нищих – самый здоровый образ жизни.

ХОРОШИЙ МУЖИК ПЕТРЮК

- Слушай, Шура, - сказала Анюта, - а Петрюки ковер купили, турецкий.
 - Сделаем, - пообещал я и устроился на вторую работу.
 - Не хотела тебе говорить, Саша, но Петрюки опять отдыхать уехали. Толи в Крым, толи на юг, - не успокаивалась жена.
 - Сделаем, - заверил я и пошел выколачивать из месткома путевки.
 - Ты знаешь, Алик, а у них ребеночек родился, - мечтательно вздохнула Анна. – На три семьсот...
 - Сделаем, - покраснел я и... В общем через нечетное количество месяцев я стал папой.
 - Слышал новость? – пожаловалась как-то Нюрка. – А Петрюк-то, подлец, жену бросил...
- Сейчас я живу один и часто с теплотой вспоминаю Петрюка. Хороший оказался мужик.

АНОНИМКА СО СРОКОМ

Я написал на завскладом Жабина из 12-й квартиры анонимку. Чтоб не жлобствовал. Видите ли, плитку он налево не отпускает и на наше с ним соседство плюет. Жабина замучили повестками, два раза делали обыск, разобрали в его квартире полы, простукали стены и, как он не запирался, под осень все-таки посадили. К моему удивлению, все, что я про него написал, оказалось сущей правдой.

Ободренный успехом, я накатал анонимку на Стеллу Ивановну. Будто она занимается скупкой краденного и дефицита в особо крупных размерах. Начиная с 52-го и выше. И что вы думаете - подтвердилось! Правда, тут блюстители слиберальничали. Учитывая ее раскаяние и ходатайство коллектива, дали ей всего два годика по совокупности, да и то условно. Но все равно приятно. А то корчит из себя недотрогу, тоже мне Пенелопа.

Тогда, смеха ради, я на себя анонимку фуганул. И чего только не наплел. И торгую после семи на разлив кокаином, и «взял» на «гопстоп» два ларька и четыре телефона-автомата, а 4-го июля, угрожая ломом, снял в Калашниковом переулке с гражданина Петрунько енотовый тулуп.

Но смеха не получилось. В милиции пришлось во всем сознаться, и сейчас по странной прихоти обстоятельств, я опять попал в соседи к Жабину. Он у нас в камере «пахан». А сидеть мне еще долго: торговля наркотиками, «гоп стоп» и четыре телефона-автомата – это вам не шутки.

КЛАССИКА И МЫ

- «Баня» – прочитал на театральной афише Жижин и остановился.
- Девушка, - он постучал в окошечко, - а баня какая?
 - Маяковского, - одухотворенным голосом ответила кассирша и отвернулась.
 - Да я не в том смысле. Мужская или...?
 - Что «или»? – не поняли за окошком.
 - Или женская, - смущаясь, подсказал Жижин.

- Общая, - сквозь зубы ответила кассирша и тут же спохватилась. – А вы, товарищ, наверное, из отдела культуры будете? С проверкой? Тогда вам к товарищу Смирнову, на второй этаж...
- Ну что вы, - оскорбился Жижин, - я рядовой, так сказать, зритель, - и, напряженно улыбаясь, уточнил, - и что же, всем показывать будут?
- Да, - снова потеряла к нему интерес кассирша. – Начало в восемь. Билеты по руб. двадцать.
- Это же надо, а? Такую гадость людям показывать, - заиграл желваками Жижин и, продолжая негодовать, купил билет на первый ряд.

БОТИНКИ

Как-то в начале месяца Мурцов купил в универмаге ботинки без всякой очереди. И не очень дорогие. Производства местной фабрики «Кот в сапогах».

Носит их неделю, топчет месяц, а ботинки и не думают разваливаться. «Странно», - заподозрил неладное Мурцов, но никому ничего не сказал. Проходил он так еще два месяца – ботинки как новые. Чудеса да и только.

Тогда Мурцов в самую грязь в них на картошку поехал, в футбол играл и танцевал в самодеятельности гопака с притопом. Ботинкам хоть бы хны.

Заволновался Мурцов, стал задумчивым и пугливым. Ботинки не ваксит, шнурков не развязывает, и на работу ходит напрямик через стройку. Целы ботинки, хоть лопни.

Мурцов с лица спал, по ночам кричать начал и однажды не выдержал. Схватил топор и порубил ботинки на части, но сначала подошву оторвал, чтоб все как у людей было.

Больше он ботинки отечественного производства не покупал.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Иванов спал и видел, что у него есть личный «Запорожец», дача с мансардой, двести рублей на сберкнижке и жена, похожая на диктора местного телевидения.

Сидоров разъезжал на «Мерседесе», не считал сто рублей за деньги, имел две дачи, одну на Рижском взморье, другую на Гаграх, и жену – студентку ВГИКа. Но спать по ночам он не мог...

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

- Ол райт, - сказал довольный мистер Смит, выходя со свертками из супермаркета.
 - Мерси, мадемуазель, - чертовски элегантно улыбнулся месье Жан очаровательной продавщице.
 - Дзенькую, пани Зося, - приподнял шляпу пан Ковальский, расплатившись за покупки.
 - ... - только и смог сказать Петров, разглядывая на прилавке ботинки местной промартели.
- Продавщица покраснела.

ПОЩЕЧИНА

Тараканов получил от практикантки Тани пощечину. Дело было так. Тараканов подошел к Тане сзади и, по товарищески улыбаясь, похлопал ее по тому месту, по

которому обычно хлопают женщин невоспитанные мужчины. А после тонко намекнул:

- Слышь, Танюха, давай с тобой сегодня ко мне завернем. Жена на курсах, дети у бабки... Есть где развернуться. Выпьем, хе-хе, развеемся. У меня «видак» есть, музыка. От меня и на работу утром поедем.

На что Таня целомудренно ответила: «Посмотрим» и заранее задышала.

Осторожный Тараканов обеспокоился этим подозрительным дыханием и, подозревая, спросил:

- А ты не девушка еще случайно?
- Что?! – побледнела Таня. – Да как вы смеете, Владимир Борисович! Что за грязные намеки? – и, зажмурившись, приложила своей крепенькой ладошкой к обширному лицу Тараканова.

До самого обеда Таня, окруженная подругами, проплакала в раздевалке.

- Как он смел обо мне такое подумать! Неужели я дала повод?

Смущенный Тараканов топтался неподалеку, планируя извинение. Ему было очень стыдно.

ОСЕННИЙ РАССКАЗ

Старуха-осень. Отопления еще нет, но холод уже есть. Выбираться из-под одеяла тягостно. Я выбрался. Пальто вместо пижамы, брюки, носки. Почистил оставшиеся зубы. Дальше было хуже. Бриться холодной водой. Брр. «Зато закаляюсь» – утешаю я себя. Так и есть – порезался. Ничего – сейчас чаю, сигарету и все придет в норму. Долго гляжу на себя в зеркало. Да, это уже не лицо. Выражение такое, как будто наклеил в штаны. Нужно что-то менять в своей жизни. Хотя бы зеркало.

Призывно свистнул чайник. Железная дембельская кружка. Конфетка «раковая шейка». Заныл от горячего зуб. Пора.

Вечно мне не везет на автобусы. Опаздываю. Опаздываю. Все, опоздал. Стало спокойней. Можно закурить. Оглядеться. На лужах ледостав. Документальная прозрачность деревьев. Небо какого-то не выпавшегося цвета. Опавшие листья напоминают о возрасте. Впрочем, в такое утро даже дети выглядят стариками. Пробежала собака с подбитой ногой. В душе неясное родственное чувство. Наконец, я в автобусе. Одна ничего. Может подойти? Познакомиться. А что скажешь? «Здравствуйте. Меня зовут Васей. А вас?» Глупо и пошло. Пока решался, она вышла. Так со мной всегда.

На работе сразу нарвался на Семена Николаевича. Идет, боров. Во рту жвачка. Значит, с похмелья. Значит, злой. Заранее делаю понурую шею. Вопросы глупые. Типа «У тебя совесть есть? Сколько это может продолжаться?!» Эх, совесть-то у меня есть. Вот автобуса не было.

В отделе все по-старому. Переписываю, считаю, сдаю. Вокруг обсуждают вчерашний телевизор. Телевидение все больше заменяет жизнь. Человек не живет, а смотрит как живут другие. Старится и умирает около этого коварного ящика. Эрзац-жизнь.

В курилке анекдоты. Все знаю. Курить больше не могу, но в отделе еще хуже. Слушаю окружение. Все до омерзения деловые. Машины, торговля, курс доллара. Я какой-то отъединенный. Все цепкие, никто своего не упустит. Я же упустил все. Наверное, у меня зависть.

После обеда заглянула Вера. Что-то согласовывает. Чересчур косметики, животик, крепкий зад, неестественно весела. Но что-то осталось. Когда-то я предлагал ей замуж. Когда-то из-за нее двухнедельный запой и мысли о суициде.

Сейчас у нее выпивоха – муж, двое детей и любовники все из начальства. Благодаря им отгрохала коттедж. Как амазонка на машине. Я прячу под стол свои драные ботинки. Стараюсь не вставать из-за неглаженных брюк. Со мной вежливо - равнодушна. Когда-то я был ее первым мужчиной. Такое не прощают. У меня все «когда-то». И ничего «когда-нибудь». Я смотрю на Веру и прислушиваюсь к себе. Полный штиль. Нарыв переболел и гной вытек. Глупо.

По дороге домой покупаю портвейна и рыбную консерву в томате. Жалобный ужин неудачника. Аутсайдеру лучше быть одному, чтобы не тянуть назад других. Тужась, моросит злобный дождик. Зажигаются огни, и улица теряет свою реальность.

Бежит та же собака. Жалея, я отламываю ей хлеба. Она нюхает, смущенно виляет хвостом и бежит дальше. Идиот.

Дома я сижу, не раздеваясь. Курю, экономлю портвейн, ем из банки, чтобы не мыть посуду. По мере убывания портвейна жизнь налаживается. Просыпается после долгой спячки оптимизм. Я даже жалею, что у меня нет, как у всех, телевизора. Зато есть книги. Они стоят затылками в шкафу и ждут. От них все мои несчастья. Открываю наугад. Неудачно. «Пришла тоска – моя владычица, моя седая госпожа». «Черт» – говорю себе я и спускаюсь вниз за второй бутылкой. В ней избавление. Спать я ложусь почти счастливый.

Единственное, что омрачает мое состояние – то, что я завтра проснусь.

БАБИЦКИЙ

- Что-то скучно сидим, - оглядел стол Бабицкий – Давайте «Интернационал» что ли споем, - и он, гнусая, затянул: «Вставай, проклятьем заклейменный...» Мы переглянулись.
- Готов электрик. Ему больше не наливайте, - сказал Петя. Сундуков понимающе кивнул. Потом Бабицкий исполнил детскую «Взвейтесь кострами». А потом мы его уложили поющего спать, хотя он отчаянно сопротивлялся. Так, что пришлось его даже связать. Мы тихо мирно допили оставшуюся водку и тоже легли отдыхать перед завтра. Но это были только цветочки.

Наутро Бабицкий продолжал нас удивлять. Поведение его было странным. Взять хотя бы такой факт, что он отказался похмеляться. Открыл форточку и стал делать зарядку с энергичными приседаниями. Потом затеял себе постирушку и извел весь наш стратегический запас хозяйственного мыла. Больше того, помыл везде полы. А в 11 часов случилось самое страшное. Когда мы послали его за водкой, чтобы позавтракать, он на все деньги купил кефира. За такие выверты даже в приличных домах обычно дают в морду, а тем более в нашей квартире, но мы только насторожились. Тем более, не сразу поняли, в чем дело. Может, думаем, водку как и молоко стали в пакетиках продавать. Новая форма торговли, чтобы бутылки не бились. Сгоряча даже налили, а там этот безобразный кефир.

- В натуре! А водка-то где? – растерялся Петя.
- Ребята, вам уже хватит, - мягко улыбаясь, сказал Бабицкий – Выпили бутылочку на троих и хватит. Злоупотребление алкоголем вредит вашему здоровью.
- Ты чего же, гад делаешь? Последние деньги... - завизжал Сундуков, сжимая кулаки.

Но тут Петя сделал нам страшные глаза и, кивнув на спину Бабицкого, покрутил пальцем у виска. Мы, потрясенные, замолчали.

- « Скорую» надо вызвать – убежденно сказал Сундуков. – Голову ему надуло. Гонит он.

Петя был против и говорил, что пройдет само. Надо только отдохнуть.

- Сколько можно отдыхать! Он три года уже нигде не работает, - возражал Сундуков.

Я связывал все с полнолунием и рассказал о своей тетке, которая сошла с ума, узнав, что заболела шизофренией.

Решили подождать до вечера, потому, что утро вечера мудренее.

Пока мы вели консилиум, Бабицкий куда-то слинял, оставив записку: «Я за билетами в филармонию. Оттуда в библиотеку. Берегите себя. Вася».

- А что такое филармония? – спросил Сундуков.

- Придет, спросим, – сказал Петя.

Вернулся Бабицкий только к пяти. Оживленный такой, с книгами, но без шапки. Книги назывались «Ребятам о зверятах», «Антидюринг» и стихи какой-то Цветаевой.

- А шапку пропил? – с надеждой спросил Петя.

- Подарил, - беззаботно сказал Бабицкий.

Сундуков выразительно посмотрел на нас и пошел к соседям звонить. Через полчаса счастливого и ласкового Бабицкого увезла «скорая». На следующий день мы узнали, что у него что-то психическое с осложнением на всю голову.

Через недели три он выписался и приехал к нам совершенно здоровым, то есть пьяным. На следующий день он пропил Петино пальто и шарф и украл у соседей щенка – далматинца, которого тоже пропил. А вечером привел с вокзала совершенно невменяемую проститутку и мы с радостью узнали прежнего Бабицкого. Особенно рад был Петя, хотя проститутка и украла его будильник.

ОГУРЕЦ

У Семенова была цветущая жена, а сам же Семенов как-то незаметно отцвел. И даже несколько облетел с головы. Обозначились нижние веки, уже животик, а не живот, и осанка профессионального грузчика. Участились сексуальные срывы. И разницы всего 10 лет, а вот поди ж ты. У жены аэробика, гербалайф и тибетская диета, у Семенова пачка «Астры», работа до посинения сознания, вечером бутылка «красного» с устатку. Вот оно и сказалось.

Начал Семенов задумываться, выход искать. Водой ли начать студеной обливаться или, того гляди, трусцой по утрам. Тут и порекомендовали ему одного старичка. Который, дескать, кудесник, экстрасенс и все такое. Травы знал и ботанику, лечил мочой, дерзко экспериментировал с калом. Одним словом, заметный старичок.

Не без волнения собирался Семенов к этому самородку. Галстук надел, стрижка 3 рубля, лаковые туфли. На электричке поехал в пригород.

Старичок действительно оказался стареньким, с мохнатыми ушами и бородой, растущей прямо из носа. Но глаза у него ясные и даже несколько пронизывают. Закурил старичок свою свирепую махорку, разогнал ладошками дым, чтобы состояние пациента лучше видеть.

- И на сколько же годков мы помолодеть хотим? - спросил конкретно, оглядев Семенова своим ленинским прищуром.

- Откуда знаете, что помолодеть? – поразился Семенов.

- Дык, сынок, ты только в иликтричку билет покупал, а я уже все видел.

Провидец я – скромно признался старичок и шмыгнул носом.

Семенов, который билет не покупал и проехал в электричке «зайцем», немного пришел в себя. И, поразмыслив, сказал, что на 15 лет. Чтобы с припуском было. Чтобы жене назло. Цифра деда нисколько не смутила. Он только почесал кудлатую голову, метко заплевал махорку и, шаркая валенками, исчез в соседней комнате. Кряхтя, вернулся с грязным мешком, со строгим видом принялся шарить в его пыльных глубинах. Достал огурец. Вернее несколько достал. Дальноторко отстраняя от себя инструмент, выбрал линейкой тот, который был 15 сантиметров, вдруг страшно напрягшись, плюнул на него три раза, покрутил им над головой и, перекрестясь, подал онемевшему Семенову. Говорил строго:

- Это, паря, молодильный огурец. Неженский. Съешь его и начнешь молодеть. Молодежью будешь. Но, смотри, с жопки не ешь! Ешь с супротивной стороны, а то постареешь.

- И сколько, отец, это удовольствие стоит! – наконец обретя дар речи, спросил Семенов о главном. Осторожно спросил, боясь оскорбить этого чистого старичка научным недоверием.

- А скока не жалко, - жизнерадостно зачастил целитель, - Да не скупись! А то молодость не возвернется. И дальше оно, паря, жальче будет. Попомнишь мои слова, ан не вернешь. Однова живем! – и, глядя в темный угол, вдруг сухо сказал:

- Сто долларов. Можно и по курсу. А курс сегодня...- Он вытащил из полосатых штанов плающую штучку. При виде пейджера Семенов снова выпал из реальности. Он, плывя в непонятном тумане, легко отдал старичку огромную для него, даже и по курсу, сумму. Пораженный стремительностью лечения, долго искал выход.

- Ты тока, паря, как помолодеешь, с документами поаккуратней, а то опять в армию загремишь. Случаи бывали, - сказал на прощание старичок, выведя Семенова на крыльцо.

Идет Семенов на станцию, огурец в кармане держит. На ощупь овощ как овощ. Посмотрел. Чего скажешь, в пупырышках. Потом подумал, может вкус какой, взял его да и схрумкал. Не поймешь. Вкус как вкус, жопка, кстати, горькая. «Ну не сто долларов, елки-палки!» - наконец осенило Семенова. Он спросил у бабки на перроне, почем огурцы, услышал цену и расстроился окончательно.

Два дня Семенов ходил потрясенный своей глупостью, а на третий день огурец неожиданно начал действовать. Поднялась температура и открылся жестокий понос. «Омолаживаюсь», - радостно думал Семенов, торопливо расстегивая штаны. «Омолажался» он долго, дней десять с лишком. Потом состояние Семенова стабилизировалось, только сильно болел «стабилизатор». Постепенно Семенов пошел на поправку – «помолодевший» организм победил болезнь – гадюку.

Но выздоровление было омрачено неприятным сюрпризом. Придя однажды из аптеки, он обнаружил пустой и распахнутый шкаф, а на столе весточка от жены, в которой следующая вест. Что она, мол, от него уходит к другому, кстати, мужчине, а с таким засранцем она жить не намерена. Неинтересно ей. И в конце: «Чтоб ты сдох, если сможешь. Целую, Нина».

Семенов, конечно, уже не думал, что он омолодился. Не дурак же он в конце концов. Но изменения были. Поджарый такой стал, живота и в помине нет. Нос был красный, теперь какой-то сине-желтый, как украинский флаг, и на все лицо. И главное светится весь. Правда, не изнутри, а насквозь.

«Сплю!» – решил Семенов и на рысях отправился к старичку. Разборки устраивать. Хотя какой там «на рысях...». Бредет, от ветра шатается. В тот день ветрено было.

Приходит в знакомый домишко, а там поминки. Девять дней старичку. Сидят родственники и чинно выпивают. Не стал, конечно, Семенов ничего им говорить. Поминки – святое дело. Посадили за стол и его. Выпил он положенное, борщ с пирогом покушал. А, уходя, спросил у бабы в черном:

- А отчего дедушка помер-то?

- Молодильный огурец, видать, с жопки съел, вот и помер, - равнодушно объяснила баба.

А из угла кто-то добавил:

- Дезинтерия.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в семье. Мой папа хотел девочку, на худой конец женщину, но родился я. По матери я происхожу из обедневшего крестьянского рода. Правда, род обеднел давно. Еще при Иване Грозном.

Во время гражданской войны папа был на стороне красных, потому что белые в наш город не заходили. Потом его направили на борьбу с Деникиным. На фронте он в первый же день попал в окружение. Окружение оказалось плохим, и папа сделался алкоголиком – садистом и верным ленинцем. В 1937 году отца посадили за то, что в 1918 году он видел Троцкого и дал ему закурить. В лагере во время эпидемии тифа он умер от желтухи, и как дальше сложилась его жизнь, я не знаю.

22 июня 1941 года я как и все направился в военкомат. Меня не пускали, но я прорвался прямо в кабинет военкома и, убавив себе два года, в числе первых добился отсрочки. Но в 1942 году пришла повестка с двумя конвоирами, и я пошел добровольцем на фронт. Тяжелое было время. Особенно врезалась в память медсестра Глафира, которая два месяца несла меня на себе из тыла противника. Когда мы наконец вышли к своим, выяснилось, что медицина бессильна. Аборт делать было уже поздно. И мы поженились у нашего политрука. Другом с моей стороны был маршал Рокоссовский. Потом меня назначили начальником спиртового склада и поэтому остаток войны вспоминается исключительно эпизодами. В 1946 году меня комиссовали из рядов армии по состоянию здоровья с диагнозом – приговором «белая горячка». Тогда не было метода Довженко и моя «белая горячка» перешла в хроническую форму. Другой бы опустил руки и сник, но я, не долечив болезнь до конца, по комсомольской путевке с Глафирой и сыном – дегенератом Прокофием поехал на Самаркандщину. Работал председателем колхоза. И чего мы только не сеяли: и яровые, и озимые, и даже рис по овсу пробовали. Но вырастала только верблюжья колючка, да и ту постоянно травили верблюды. Задание партии было сорвано, а ЦРУ выполнено. Мне сначала хотели дать орден Ленина, потом Звезду героя, но, в конце концов посадили. В лагере я овладел профессией начальника бани. Потом умер товарищ Сталин с сопутствующей посмертной амнистией. Я вернулся с Севера, простил Глафиру и усыновил двух ее новых детей. Затем, под чужой фамилией, а следовательно и национальностью, я с семьей переехал в столицу вашей Родины – город герой Москву. Там я устроился работать простым заведующим простого магазина, т.е. воруя. Жил я, как у Христа за пазухой. Если Иисус Христос есть, то он может подтвердить. Когда я достиг в своей профессии больших трудовых успехов, граничащих с подвигами Кожедуба, пришли трое с портфелями и один с наручниками. У меня конфисковали все до последней нитки. И эти нитки жемчуга фигурировали в суде. Процесс освещался центральной прессой, и поэтому мне дали несуразно много. На лесоповале я наконец понял, что такое настоящая дружба. Это бензопила. И Павел Корчагин не выдержал бы таких норм. Поэтому я подал заявление в партию, чтобы умереть здесь коммунистом.

Начальнику зоны это не понравилось, и остальной срок я досиживал на мысе Дежнева, зимуя, как и он, на льдине.

Когда я освободился, то пошел пешком до ближайшего города. К сожалению, этот город находился в Америке. На полпути с помощью собак меня взяли. Снова люди при исполнении, снова по зубам, снова на нары. Но теперь меня упрекали в измене Родине. На медосмотре узнали предыдущую мою национальность. Больше я им ничего не сказал. Потом меня послали на экспертизу к психиатру. Он мучился со мной неделю и, в конце концов, его признали невменяемым. Про меня же сказали: «Если бы был русский, то нормальный. А для еврея дурак дураком». Мне присудили инвалидность по зрению и уму и снова отпустили.

Сейчас я живу на скудную пенсию, на которую не прокормится и собака, и разыскиваю Глафиру, сына – дегенерата Прокофия, и еще тех двоих детей, что я усыновил. Откликнитесь! Мне очень плохо.

АДЮЛЬТЕР

Веревкин направлялся на адюльтер. Собственно, что это такое Веревкин в точности не знал. Просто в пятницу Витька Закусаев, сварной их бригады, отвел его в сторону и, загоревшись глазами, сказал:

- Завтра вечером бери пару «красненьких» и подруливай ко мне. Устроим небольшой, так сказать, адюльтер. А то, ты я вижу, совсем заkis под семейным кровом. Остальное я беру на себя. Так что жду. И смотри, без «фонарей».

Вот Веревкин и пошел. Адюльтер ему виделся в уютных тонах, чем-то вроде преферанса, только ставки, наверное, повыше. И еще он спросил Закусаева:

- А какие правила? Пара на пару или сразу все вместе?

На что Закусаев странно посмотрел на Веревкина и сказал, что можно, конечно, и всем вместе, но он такого не переносит. Так что лучше всего парами и в разных комнатах.

Веревкин ничего не понял, но спрашивать дальше, чтобы не выглядеть дураком, постеснялся, а про себя решил, что адюльтер, наверное, как-то связан со спиритизмом.

Дома он спросил про адюльтер у жены, может та от баб чего слышала, но Наталья знала не больше его. Так, что сейчас Веревкин двигался навстречу неизвестному и это его немного волновало.

Дверь открыл Витька и, глядя в сторону, сказал, что сегодня ничего не выйдет – для адюльтера нету кворума. Он бегал полдня, обзвонил полгорода, но все заняты, у всех дела. А с кем он договаривался, те его подло обманули, и он еще им припомнит. А то нашли, понимаешь, мальчика – Буратино.

Все было понятно. Единственное, чего не понял Веревкин, почему это Закусаев так взбеленился и с криком: «Ты на что намекаешь, козел?!» вытолкнул его на лестницу, когда он спросил, а нельзя ли им вдвоем с Закусаевым проверить этот самый адюльтер. Может как-нибудь и вдвоем можно, если постараться? – и показал свои две «красненькие».

Покулив на улице, ошарашенный Веревкин после небольших размышлений пошел к тестю. Не домой же с этими бутылками идти.

С тестем они с разгона приютили по три стакана, и, когда в голове немного ослабло, Веревкин в перерыве между бутылками спросил у тещи:

- Мама, а вы когда-нибудь адюльтером занимались? Говорят интересная вещь. Или врут?

Теща уронила тарелку и Веревкин понял, что чрезмерная любознательность поощряется только в школе. Реакция тещи оказалась бурной. А если учесть, что

жанр скандала был ее любимейшим жанром, то можете себе представить. Оказывается, она давно подозревала и сейчас ее подозрения подтвердились. Веревкин – просто сказочное дерьмо. Такая сволочь, для которой нет ничего святого. И все равно, как у него хватило наглости... И пошло и поехало.

Тесть в скандал не вступал, справедливо полагая, что жена справится одна. И еще он боялся, как бы Веревкин не унес с собой оставшуюся бутылку. Он лишь сделал заявление, но оно не для печати, смысл которого – если Веревкин что-то и знает, то для него, как мужа – это не повод для печали, и поэтому не мешало бы и выпить.

Но Веревкин после тещиных слов не смог оставаться. Гордость не позволяла. И он пошел домой, черт с этой бутылкой.

Только он перешагнул родной порог, как почувствовал в воздухе что-то неладное, какие-то нехорошие флюиды. Предчувствие не обмануло. Не успел он снять ботинки, как эти флюиды материализовались. Жена Наталья была в состоянии и кричала, что она устроит Веревкину такой адюльтер, после которого он будет сильно жалеть о том, что его папа и мама когда-то познакомились. Спасибо добрым людям – глаза открыли. «Добрый человек» – подруга Натальи Верка сидела на кухне и делала вид, что она здесь совершенно не при чем. Воодушевляясь от присутствия заинтересованного и благодарного зрителя, Наталья распалялась все больше и пришла в окончательное состояние – расцарапала Веревкину лицо.

Веревкин, конечно, расстроился от такого великолепия приема, да и предыдущее наслоилось, и он, совершенно справедливо втер Наталье в левый от себя глаз. Задушевно втер, после чего Наталья сразу успокоилась, а Верка юркнула за дверь. Веревкин сел в кресло и потребовал объяснить, в чем собственно суть. Через минуту выяснилось, что адюльтер – это супружеская измена, и всем странностям и неприятностям сегодняшнего вечера нашлось объяснение.

Со временем этот случай Веревкин стал вспоминать как забавный, но все равно к иностранным словам с тех пор стал относиться с осторожным отвращением, а слово «адюльтер» использовал только в связке со словосочетанием «твою мать».

В ДУХЕ ВРЕМЕНИ

Тут у нас одному мужику вопиюще повезло. Умопомрачительно просто. Перекладывал он дедушкин погреб и на тебе – обнаружил! Обнаружил за красными додоновскими кирпичами тайник. Вы даже мечтать себе об этом не позволяете. А в тайнике среди пауков и пыли лежал и его дожидался ящичек довольно приятных размеров. Короче говоря, куча денег.

А дедушка того мужика в годы революционных передраг и «товарищей маузеров» был, между прочим, достаточно зажиточной сволочью. Это сейчас конокрадством можно прокормиться только, когда сядешь за это дело в зону, а раньше – эх, да что вспоминать. Но умер дедушка, как было модно в те горячие годы, очень внезапно. Когда человеку половинят голову саблей, он всегда умирает почему-то внезапно. И поэтому о своем тайничке дедушка не успел упомянуть в завещании, которого кстати у него после смерти тоже не оказалось. Но этот удалец-дедушка нас интересуется постольку поскольку, главное – деньги.

Так вот, помолился, как умел, наш мужик за своего родственника и стал купюры считать и пересчитывать. И что-то вышло у него какая-то страшно многозначная цифра. Но человек он был по нынешним временам довольно

грамотный и очень себе на уме. И решил он все эти деньги в духе времени переменять на доллары. Чтобы доллары находились в банке, а банк чтобы находился в Швейцарии. Грубо говоря – депозит.

Приходит он с двумя беременными чемоданами в Народный банк, отстоял очередь, спрашивает издалека:

- Барышня, - говорит, - вы «керенки» по какому высокому курсу на сегодня принимаете?

За окошком замешательство. И даже легкая паника с протираaniem очков. Послали за заведующим, который, опережая время, в этот утренний час уже обедал. Прибегает слегка вспотевший после мясных шашлыков заведующий, вник в происходящее и ответственно заявляет.

- Милые вы наши вкладчики! «Керенки на данный момент мы не берем. А доллары, пожалуйста. Баксы мы принимаем даже по факсу.

Но наш мужик не стал скандалить и возмущаться. Впрягся в свои чемоданы и поехал в другой банк. Еще более народный. Там симметричная картина, к тому же усугубляемая оскорблениями. Долго он так, потев подмышками, безуспешно путешествовал по банкам и сберкассам. Везде одно – не берем.

Но мир не без добрых людей. Один сердобольный человек, может быть даже после инфаркта, посоветовал ему куда обратиться. И сказал, что там обязательно примут, тем более он предварительно позвонит.

Приходит мужик по адресу, чтобы зря не мельтешить, сразу нашел кабинет главного, с достоинством заходит. Сидит брюнет, по национальности вылитый Иисус Христос, весь в белом, включая шапочку. Наш ему говорит:

- Вы «керенки» принимаете?

Брюнет посмотрел на него добрыми глазами, нажал какую-то кнопку и ласково отвечает:

- Принимаем, отчего же у хорошего человека не принять?

- А курс, у вас какой? – спрашивает мужик.

Брюнет замаялся и говорит:

- А курс у нас, милейший, два-три месяца. Но для вас, наверное, все полгода будет.

Заходят санитары природы, косая сажень в щеках, с веревками. И повели нашего мужика в покои, где сейчас по причине полнолуния было неспокойно.

И что самое удивительное в этой истории, деньги он там все-таки поменял и довольно удачно. У самого А.Ф. Керенского, который лежал в шестой палате и по причине безусловной инвалидности уже отошел от активной политической деятельности.

Да, а того мужика звали Васей, а жену его Ниной.

ЖИВИ НЕ ХОЧУ

А в Аравийской пустыне нынче жарко. Тамошние трудовые арабы, арабки и ихние арабчата, едучи на верблюдах и глядячи на миражи, наверно потеют сейчас в своих бурнусах. Верблюду что, верблюд попил разок и на неделю, а человек конструкция тонкая. Он страдает и страждет. Запекшиеся губы шепчут: «Скажи, караванщик, когда же вода?». А караванщика уже и след простыл. Только друг пустынь варан гадко ухмыляется из-за бархана: «Нет, мол, воды, товарищи арабы, надесь еще выпили. И, все равно, все вы здесь передохнете». Сами понимаете, какая тяжелая моральная обстановка. Ни помыться тебе после работы, ни ушицы сварить. И ничего - живут.

А на севере противоположная картина, можно сказать, обратная. Там эскимосы и чукчи замороженную субстанцию из рыбы едят, а перед ними шаман выступает. Порчу отводит, падла. А мороз необычный, озверелый, прямо скажем, мороз. Все в кухлянках и теплых кальсонах с начесом. И главное - деревьев нет, чтобы заготовку дров организовать. Лошадей у них тоже нет, на собаках люди ездят. Национальный напиток – спирт. Единственная вещь, которая здесь не замерзает. Национальный инструмент – бубен. А вы как думали – на морозе на балалайке больно-то не поиграешь. Белое безмолвие, белые медведи. Горячка и та белая. Короче, хорошего мало, а многого совсем нет. И ничего - живут.

То ли дело у нас. Климат хоть резкий, но зато континентальный. Летом тепло, зимой холодно. Все как у людей. Летом босиком по траве-мураве, клубника зреет, белые растут шляпками вверх. Красотища. А на уду порыбалить, это же - мое. А в полдень на пляж и в песочек. Лежишь, пиво потягиваешь, а рядом такие русалки ходят, фигурами играют. Жизненный тонус растет прямо на глазах. Иногда даже за свой вид неудобно.

А зимой? Да на лыжах, да на лыжную прогулку. Солнышко блестит, снег искрится, душа поет. Хорошо! А с мороза да на печку под дедушкин тулуп. Да сосудорасширяющего стакан - другой - четвертый и раздольную русскую... А потом тулуп в сторону и в пляс. Да с тетей Марусей... Да с выходом из-за печки.

Эх, живи не хочу. И чем дальше, тем больше. А тех, кто хотят все меньше и меньше. Можно сказать я один и остался. И чего людям надо?

ИМИДЖ

Главное в нашей жизни – так называемый имидж. Проще говоря, чтобы тебе завидовали. А какой у меня может быть имидж, если зарплата, прости господи, а жена, прости жена... Особенно по утрам, когда глаз еще не замылился. Но ревнивая! Где был? С кем? Почему трезвый? Так что живу я довольно скучно. Это у других все получается легко и просто, как на острове Чунга-Чанга. А у меня одна отдушина – тружусь над созданием собственного имиджа. Звоню вечером другу Валере и лениво так говорю:

- Слышь, Валер, у тебя «Запорожец» был, в машинах должен разбираться. Не подскажешь, что лучше взять «Мерс» или «Вольвочку»? С нуля, естественно. Валера долго соображает, потом сникшим голосом говорит:
- Лучше десять «Жигулей». Надольше хватит. А еще лучше двадцать пять «запорожцев». За те же деньги.
- А это идея, - раздумчиво говорю я и снисходительно прощаюсь. Звоню дальше.
- Миша, ты должен быть в курсе. За связь с несовершеннолетними сколько дают? И если беременная, то это смягчает илиотягчает? Я, так, на всякий случай спрашиваю.
- Несовершеннолетние они разные бывают...
- Ну лет шестнадцать, например, - легко и бодро продолжаю я.
- Шестнадцать и дадут, - натужно шутит Миша, и я чувствую, что от зависти он начнет сейчас грызть трубку.
- Витя- бизнесмен. Позвоним и ему.
- Старик, не в службу, а в дружбу. Ты в том году в Анталии отдыхал. Не помнишь, сколько путевка на Канары стоит? На двоих. Нет, не с женой. Витя так ошарашен, что уже ничего не помнит. Но я кровожаден:
- И еще одна справка. В «Стройбанке» сколько сейчас процентов годовых? Двенадцать? Это сколько же будет с пятисот «лимонов»?

Витя говорит «Однако», потом считает и уже как-то заискивающе называет цифру.

- Не густо, - вздыхаю я.
- Тут мне Миша звонил, рассказывал о твоих проблемах, - блеет Витя в трубку. – Это правда?
- Да проблем хватает, - неопределенно говорю я и быстренько даю отбой.

Звоню еще одному человеку. Но у него постоянно занято. Потому, что я звоню самому себе. И мне становится грустно.

ОСНОВЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

(Из цикла «Прочтите детям»)

Встретились однажды мужчина и женщина и познакомились они друг с другом.

Познакомились они друг с другом и полюбили они друг друга.

Полюбили они друг друга и поженились они друг на друге.

Поженились они друг на друге и разлюбили они друг друга.

Разлюбили они друг друга и у них наконец родилась нормальная полноценная семья. Друг без друга.

ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Всю жизнь борюсь с вредными привычками. Борьба неравная. Привычек много, а я один. «Все! С этой минуты не пью, не курю. Ем сдержанно, а не как борец сумо. Железобетонная самодисциплина. Быть беспощадным к себе. И работать, работать, работать. Как американцы. А то, печень уже не успевает, на сердце аритмия и дисфункция, кровяное давление в голове, а не в паху, и живот такой, что коленки устают, когда сидишь. И еще матушка – лень и батюшка – диван. Хватит жить как попало!»

Ну и что? А ничего. Лозунги залюбуешься, но не выполнимы. Бороться с вредными привычками – это бороться с тем, что ты любишь. Организм бастует. И закон самосохранения не срабатывает.

Но некоторые пытаются. Одна четыре месяца сидела на женьшеневой диете. Сидела, сидела, потом начала лежать. Сама стала похожа на корень женьшеня. Так похудела. Один скелет и косметика. Причем косметики больше. Сейчас она, правда, уже бросила диету. Но поправиться не может, потому что живет на пособие из-за потери работы.

Другой надумал бегать по утрам от инфаркта. Внести свою лепту в борьбе с гиподинамией. Чтобы не мелочиться, решил начать с десяти километров. Оделся в трусы и побежал. Пробежал он метров 100, чувствует, что погорячился. Через триста к нему пришло второе дыхание, на нем он пробежал еще 10 метров и упал. И это его спасло – инфаркт пробежал мимо.

Но чаще всего бросают курить. Это вызывает завистливое уважение у окружающих. Вас спросят: «Чем занимаетесь в свободное время?» А вы солидно отвечаете: «Бросаю курить». Хобби у вас такое. Уже пятнадцать лет.

Согласен: курение привычка неестественная. И даже пожароопасная. Капля никотина, убивающая лошадь, капает на мозги. Умом понимаешь, а сердце еще не созрело. И судя по всему зреть не собирается. А умом понимаешь. Затягиваешься, а перед глазами лошадь стоит. Как живая. И, вообще, все курящие делятся на две категории: те, кто бросает курить, и те, кто уже бросил бросать курить и с удовольствием курит.

Еще одна вредная привычка – алкоголизм. Водка – белая головка, бормотушечка – душечка, портвейн – молодец. Красивые этикетки, в голове – не передать, но это – зло. Скажу больше, это – яд. Но понимаешь это только утром, когда берет за горло похмелье. Вернее не за горло, а за голову. И даешь себе страшную клятву Гиппократы: «не навреди!» И идешь похмеляться.

Или объявляешь мораторий на все ликероводочное и плодово-ягодное. Объявляешь сухой закон (ничего, кроме сухого!) Через три часа чувствуешь, что погорячился. Еще через три часа неожиданно ловишь себя на том, что выходишь из магазина с бутылкой в кармане.

Так что бороться с вредными привычками невозможно. Но необходимо. Надо же хоть чем-то заполнить жизнь.

С ДУМОЙ О ЛЮДЯХ

Однажды я закодировался от водки. По пьянке, конечно, но так уж получилось. Через три дня встречаю на улице Васю.

- В чем дело? – тревожно спросил Вася. – Почему трезвый? – и нахмурившись, он потрогал мой лоб.
- Закодировался, - понурился я.
- И сколько уже?
- Третий день, если с четверга считать.
- Дела-а, - протянул Вася. Все так хорошо было, и на тебе - закодировался.
- Кому хорошо? – не понял я.
- Да я так вообще. В философском плане. По Бердяеву. Ты не поймешь, - сказал Вася и стал прощаться.

Через неделю я выследил свою жену, как она ходила к Васе. Оказалось, что он давно ее любовник. А когда пил, не замечал. И, вообще, с трезвых глаз действительность оказалась несколько иной.

Негромкая красота жены, что была до свадьбы, уже окончательно угасла в складках жира. Но что Вася позарился – непонятно. Дети растут активными эгоистами и сволочами. На работе – бардак и беспредел, плюс лихоимство начальства.

Я запоздало поставил жене синяк. Каждый вечер порол детей ремнем. На досуге, пересилив себя, соблазнил Васину жену, такую же уродину, как и моя. Вася после этого на что-то обиделся и слег с инфарктом.

Но хуже всего – я стал искать правду на работе. После чего пришлось искать другую работу. Одним словом, у меня появились претензии. На меня стали коситься, замелькали слухи, что я изверг, садист и сутяга. И вообще страшный человек. Медуза Горгона в брюках. Я стойко терпел это все три месяца и 20 дней, а потом не выдержал и «развязался» на День космонавтики с одним инопланетянином. Чтобы всем стало снова хорошо. Я же не эгоист. Думаю о людях.

ДЕНЬ

Часовая стрелка зацепилась за цифру восемь. «Елки-палки», - обжигаясь чаем, испугался Ключев. Он торопился, застегнул плащ, схватил с полки обеденные деньги и побежал на остановку. Жена с тещей еще спали и поэтому настроение с утра у него было приемлемое.

А на улице шел противный октябрьский дождь. Серые тучи скоксовались намертво и, несмотря на утро, темнело. «Гениальная осень, пропадания свет.

Отстоялся печали кувшин золотой...» – вспомнил Ключев чьи-то стихи. Но стихи были явно не про то. Он пониж наклонил голову против ветра, но все равно было такое ощущение, как будто кто-то плевал в морду. И Ключев сразу вспомнил жену и ее выходки.

Он завернул за угол и ветер с брызгами ударил изо всей силы. «Черт, зонтик забыл», - подумал Ключев, но потом вспомнил, что зонта у него отродясь не было. Дождавшись автобуса, он, в числе прочих, втиснулся в переполненный салон.

- Вдохнули, граждане! – скомандовал нервный кондуктор и добавил: - Вася, закрывай калитку!

Мотор фыркнул выхлопными газами почему-то в салон, и автобус начал подробно пересчитывать кочки. Ключева прижало к стеклу. Стекло было вставлено в очки небритого гражданина. «На тело, погруженное в автобус, действует выталкивающая сила, равная весу вытесненного пассажира», - подумал Ключев, стараясь не вдыхать носом – от владельца очков пронзительное и даже свирепо пахло одеколоном. Причем изо рта. Поручень выгибал спину, на ботинке больно стояли.

На остановке «Сороковой магазин», используя повелительные наклонения и грозное выражение лица, в автобус с трудом проник Семенов, слесарь с их участка. Попыталась еще влезть Елена Петровна, лаборантка, но плотность содержимого автобуса достигла точки росы (Ключев знал не всю физику), и еще Елене Петровне мешал зонт.

Ключев стал глядеть на Семенова, чтобы поздороваться. Но Семенов был очень занят – он ругался с какой-то румяной гражданкой, которая утверждала:

- Мужчина, вы совсем не держитесь!

Семенов сначала ухмылялся, но потом его оскорбили:

- Напьются с утра, себя не помнят, - напирала тетка, злобно глядя через плечо на Семенова.

- Сама много помнишь, - сдержанно отвечал Семенов.

- Лег, как на буфет, - продолжала тетка.

- Сама как буфет, - менее сдержанно отвечал Семенов.

- Дурак! – нашлась тетка.

- Сама дурак, - тупо огрызался Семенов.

Автобус заинтересованно внимал ругани.

- Что за люди?! Хоть бы какая сердобольная старушка место уступила, - недовольно сказал разгоряченный Семенов, когда они вышли. Он открыл женский с цветочками зонтик, и Ключев заметил, что Семенову было действительно с похмелья и крепко.

- Отгул щас возьму, - поделился Семенов. – Похмеляться пойду.

Глаза его горячо блеснули. Ключеву тоже захотелось взять отгул и пойти похмеляться, хотя он вчера и не пил.

- Ага, - злясь неизвестно на кого, сказал Ключев, - дадут тебе отгул. Конец месяца. Федька на больничном, Чижова в столовую забрали. Кому работать?

- Козел этот Федька. Как запой, он на больничном. А тут хоть подыхай. – Семенов заскрипел зубами. И под этот звук без пяти девять они вошли в проходную.

Тоже без пяти, но уже шесть они вышли обратно. Это не осталось без последствий – снова пошел дождь. Сначала неуверенно, кап да кап, а потом сильно и нагло.

- Пойду похмеляться, - вернулся к своей навязчивой идее Семенов.

- Ты не знаешь, в гастрономе вино есть?

- «Агдам», - сказал Ключев и подумал грустно: «Зря обедал. Сейчас бы с ним пошел».
- Пойду похмеляться! – крикнул в пространство Семенов и свернул к магазину, а Ключев остался один. В ботинках у него опасно для здоровья хлюпало и болела спина. Вечерний автобус не отличался от утреннего, только больше скрипел и тише ехал.

Дома все оставалось по-старому. В квартире стояла непереносимая вонь. Жена с дихлофосом в руках ползала по полу кухни и с беспощадным лицом травила тараканов. Теща толстой жабой лежала на диване и, выпучив глаза, отдыхала в телевизор.

- Жрать будешь? – подозрительно спросила жена.

Ключев не хотел, но назло ответил, что будет. Он невнимательно поковырял вилкой в картошке, попил чаю. Потом, глядя в гладкую спину жены, пересиливая себя, сказал:

- Слышь, давай зонтик что ли купим, а то вон погода какая. Жена с удовольствием обиделась.
- Вот еще. Мне на зиму одеть нечего, а ему зонтик подавай. Сапоги разлезлись... «Зонтик». Мама! Ты слышишь, мама, наш- то козел что выдумал?

И она начала визгливо излагать на тему, что Ключев вообще ее не жалеет, бесится с жиру и думает только о себе. Теща смотрела, как Дзержинский, солидизировалась с нею и вставляла ехидные реплики. Наконец, жена пустила слезу, как обычно, на словах:

- Ты видишь, мама, он меня специально выводит. Боже мой, какой эгоист. «Твари, твари насквозь», - стиснув зубы, думал Ключев. Он захотел вспомнить к случаю какое-нибудь стихотворение, но так и не вспомнил – внутри него пульсировала ненависть.

Завидуя Семенову, он пошел спать. А ночью ему приснился зонтик. И не женский и ободранный, как у Семенова, а черный мужской, как у лаборантки Елены Петровны, и еще одна женщина. Кто, пусть останется его маленькой мужской тайной, которая нас не касается. Будем хоть мы джентльменами.

О ВРЕДЕ ЧТЕНИЯ (Юноше, обдумывающему житье)

Дорогой друг, ты вступаешь во взрослую жизнь. Много опасностей подстерегает тебя на этом пути. Мы расскажем об одной из них. Речь пойдет о чтении так называемых книг.

Чтение книг – это не безобидное занятие, как кажется на первый взгляд, которое можно бросить без усилий. Это – коварная вещь, тем более, что многие не принимают ее всерьез. Некоторые недалекие люди даже считают, что книга придает человеку умный вид. Скорее идиотский. Подумай, малыш, об этом, прежде чем взять ее в руки.

Вспомни, при чтении первой книги рябит в глазах, учащенно бьется сердце, возникает тяжесть в голове. Это не случайно. Это тревожный сигнал. Происходит защитная реакция молодого растущего организма. И ей надо воспользоваться и отложить раз и навсегда книгу. Даже одна, самая тоненькая брошюра может оказаться губительной, так как ведет к привыканию. Состояние здоровья, подорванного чтением, не позволяет выбрать род занятий по душе, достичь успеха в жизни. Например, юношам стать рэкетирами, «новыми русскими», уголовным авторитетом, девушкам – путанами, воровками на доверии, овладеть другими престижными специальностями.

Запомни, что чтение губительно действует на клетки головного мозга, в том числе и на клетки, регулирующие деятельность половой системы. Установлено, что у мужчин, злоупотребляющих чтением, отмечается ослабление агрессии. Конечно, половой жизнью они жить еще могут, но изнасиловать уже нет. У женщин от чтения также нарушается выработка половых гормонов. В тяжелых случаях это приводит к печальным результатам (так называемая «тургеневская девушка». Ученые приводят тревожную статистику: 25% женщин, пристрастившись к чтению с детства остаются старыми девами.

Вспомни знаменитую фразу «Смотришь в книгу, а видишь фигу». К сожалению, мы это наблюдаем и в реальности. Оказывается, если человек читает от одной до 9 книг в год, его доход уменьшается в среднем на 15% по сравнению с не читающими, от 10 до 19 книг на 25%, от 20 до 30 -до 40%.

Если чтение книг – результат неправильного воспитания, слабоволия, распущенности, то интеллигентность - запущенная форма любви к чтению, - это уже серьезная болезнь, требующая длительного лечения. Нужны большие усилия, чтобы перевоспитать человека. Зачастую эти усилия оказываются напрасными. Нет ничего ужасней мужа – интеллигента, заставляющего страдать жену и детей. Интеллигент абсолютно не приспособлен к жизни. Вот как описываются интеллигенты: «Худой человек метался по койке в больничной палате с зарешеченными окнами. Больной плакал, умолял, кричал диким голосом:

- Спасите! Я не могу жить в этом подлом мире! Будь я проклят!»
Это, дети, интеллигент!

Посмотри внимательно на интеллигента – на его очки, на цвет лица, хилые плечи, обрати внимание на его речь, замусоренную словами «извините» и «пожалуйста». Все это - последствия чтения художественной литературы. Помни, что за удовольствие читать человек зачастую расплачивается разбитой жизнью. Под губительным влиянием чтения не могут проявиться человеческие и животные инстинкты, тормозится здоровый эгоизм, появляется глупый самоконтроль, мягкость характера, доброта. В тяжелых случаях читающие люди перестают думать о деньгах(!), совершают поступки и ошибки, в которых раскаиваются всю жизнь.

Слава богу, если близкие вовремя заметили привычку к чтению и забили тревогу. Но часто время оказывается упущено, человек потерян для здорового общества, а все это начиналось с чтения безобидной на первый взгляд брошюры. А в дальнейшем читающему человеку требуется все более и более толстые книги.

Сторонники чтения часто ссылаются на то, что многие выдающиеся люди, например, банкир Бошнятов, певец Юстас Веребкин, уголовный авторитет Япончик и даже легендарный рэкетир Ржавый читали. Значит, чтение не помешало им добиться успехов? Хочется привести здесь некоторые их высказывания. Банкир Бошнятов: «Я отложил книгу и поклялся, что больше не буду читать художественную литературу. Эту клятву я сдержал и вполне убежден, что чтение вредит мозгу». Япончик, бросив читать, сказал так: «Я стал другим человеком. Участвую до 5-и разборок кряду, но совершенно свежий, а прежде, когда читал книги, чувствовал отвращение, тошноту, туман в голове». Великий рэкетир Ржавый был незаурядным книголюбом. Убитый еще сравнительно молодым (38 лет) он, умирая сказал: «Если бы я не читал Достоевского, то прожил бы еще лет 15-20». Сколько он еще мог сделать для себя, для людей, но, увы, не сумев избавиться от пагубной привычки, погиб. А кумир многих поколений девушек певец Юстас Веребкин выразился так:

«Считаю, что мои достижения в немалой степени связаны с полным воздержанием от чтения художественной литературы. Мой горячий совет всем – отказаться, как и я от вредной привычки».

Сейчас распространяются разного рода толки, о том, что не все, мол, книги опасны. Песня старая и знакомая. Да, действительно, сейчас выпускаются книги с меньшим содержанием смысла и таланта (детективы, женские романы, «ужастики»), но по этому поводу доктор А. Ракурс (США) заметил, что безвредной книгой может считаться только непрочитанная книга. Безвредных книг нет! Российские специалисты также утверждают, что многие люди, читающие детективы, впоследствии переходят к чтению более серьезных книг. А общеизвестно – человеку, читающему стихи, зачастую нельзя уже помочь. Запомни это, дружок. Подумай, какое горе ты можешь принести и матери и отцу и всем, кто любит тебя.

Старшие ребята! Присматривайте за маленькими. Если увидите у детей книгу, особенно толстую, выхватите ее, а детей самих отведите к родителям. Может быть этим вы спасете им жизнь.

Если же тебя уговаривают прочитать книгу, заставляют, если чувствуешь, что попал в такие сети, что сам не можешь вырваться - немедленно посоветуйся с теми из взрослых, кому ты доверяешь.

Конечно же, существуют телевидение, газеты, реклама, популярная музыка, позволяющие значительно ослабить негативное воздействие книг. Во всем мире происходят изменения к лучшему. К примеру, в США уже десятки миллионов американцев сегодня бросили читать. То же самое наблюдается в других цивилизованных странах. Россия твердо решила стать к новому веку не читающей нацией.

-Так почему же продаются книги?- спросишь ты. Просто запретить людям читать, наверное, еще невозможно, а вот убедить их бросить чтение художественной литературы – это вполне реально.

Все это надо знать, об этом надо помнить.

Вот, дружок, что таится под яркой глянцевой книжной обложкой.

А У НАС ВО ДВОРЕ

У нас тут во дворе сферы влияния делят. Что ни день- то мат в три этажа, то мелкие потасовки. Только и слышно с утра:

- А ну, сволочь, отсунься отсель! Это моя территория. Я тебя Христом Иисусом прошу, не доводи до греха!

А предмет конфликта – помойка. Кому и когда добывать на ней хлеб насущный. Но хлеба там мало сейчас встретишь. Дороговизна потому что. Так корочка какая-нибудь, которой таракан побрезговал.

Сначала поделили вроде бы справедливо. Митричу и его боевой подруге бабе Шуре достался лакомый, так сказать, кусок. Выбирать все самое богатое белком и витаминами из баков с утра до обеда. А утром, нужно отметить, наиболее сознательные граждане свой мусор и выносят. Да и мух поменьше. С часу и до пяти контейнерами заправляла тетя Маруся, у которой муж парализован. А потом до самого темна у баков, если конечно был в состоянии, крутился алкоголик Фатов. Но ему доставалось хрен да маленько. Потому что в пять часов приезжала машина особо вонючего свойства и меняла контейнеры. А из-за глупых суеверий многие жильцы мусор на ночь не выносили. Примета такая.

А потом Митрич стал примечать: что-то не то. Количество полноценных объедков резко пошло на убыль, да и калорийность их заметно снизилась. В начале он грешил на грачей и других безымянных пернатых, которые вернулись предположительно из Африки. Он даже нанимал школьников с рогатками и ставил к бакам огородное пугало, но картина не изменилась. Митрич понял, что такими темпами он со своей боевой подругой долго не проживет.

- А ведь поймаю! – потрясая палкой кричал он. – Ночей спать не буду, а застукаю. У нас президент справедливый и воровать никому не позволено. Ты что президент?

И что вы думаете? Поймал. Вором оказалась одинокой старушкой с третьего этажа. Ну, Митрич, оттаскал ее за седые космы и гнал матюками до самого подъезда.

- Только уладилось со старушкой, как начал гнать волну алкоголик Фатов. Ему, дескать, меньше всех достается. Уже полноценной закуски он с неделю не видел. Да к тому же пьет он, если есть что, как все нормальные люди с утра, а закуска поступает только к вечеру, да и то крайне нерегулярно. Одним словом, полное смятение чувств. Митричу пришлось, кряхтя, уступить ему один утренний час. С 11 до 12.

Ну а потом вообще началось черт знает что. Анархия началась. В колодце теплотрассы, что у детсада, поселилась троица «бичей», отец, сын и какой-то «дух» из Средней Азии в халате. Говорили, что он приехал на дни культуры Узбекистана в России и отстал от каравана. Первым делом троица явилась на помойку, возле которой с утра нагуливал аппетит Митрич. Вторым делом они дали Митричу по морде, и Митрич сразу приувыл. Но, как потом оказалось, не приувыл, а только временно затаился. Он же фронтовик, бывший разведчик. Так, что не на того напали.

Стал он подкидывать в баки стеклышки от разбитых лампочек, да опасные бритовки, предварительно измельченные. У бичей начались порезы и кровотечения из пальцев. Однако Митричу претила теория малых побед. И однажды он поставил капкан, замаскировав его колбасными огрызками. Но в капкан попался не узбек-инородец, как мечталось Митричу, а русский. И причем новый. Русских-то в нашем дворе много, а новый всего один. Очень его уважал Митрич. Еще бы таких пару жильцов и можно за пенсией не ходить. Вы салями пробовали? А Митрич пробовал. А сколько использованной стеклотары он каждый день выносил. Это же восторг души, если сдать.

Так вот, вышел этот новый русский как всегда «с бодуна» ведро вытряхивать, да и уронил в бак запонку, хоть и старую, но с брильянтом. Полез он было за ней двумя пальцами, а капкан по этим пальчикам и сработал. А без пальцев наши новые русские разговаривать не умеют. Просто двух слов связать не могут.

Ох, что было, это надо видеть. Но лучше, конечно не слышать. Тут рысцой появляется Митрич и авторитетно заявляет:

- Это чужие. Свои здесь не ходят.

И пожаловался на тех «бичей».

Ну, новый русский психанул, позвонил куда-то уцелевшими пальцами по мобильнику и поставил на крышку колодца «КАМАЗ» с кирпичом. А сам уехал на Канары отдохнуть после потрясения.

Вот такие вкратце страсти разгорелись в нашем дворе. Но я так думаю, что это еще не все. Вчера алкоголик Фатов завел себе подругу для дома, для семьи, которая, разобравшись в ситуации, сразу закатала Митричу в лоб. Что-то будет.

С ВОСЬМИ ДО ПЯТИ

Работа с 8-и до 5-и. На досуге скука и телевизор. Толстые бока жены. Ее глупые разговоры и придирки. Ваши глупые разговоры и придирки. Атмосфера деликатной ненависти. Ночью все чересчур знакомо. Пытаешься фантазировать, но жену уже ни с кем не спутаешь.

В телевизоре – параллельный мир. Страсти, шампанское, горящие глаза. Чуть что, сразу каратэ по морде. Женщины обворожительны и легкодоступны. Они трепещут и ждут. Руки на пуговицах и молниях. Ужинают исключительно в ресторанах, а не макаронами в короткометражной кухне, где только боком. И главное – никто не работает. Атмосфера праздника, как у нас на пасху. Все это морально оскорбляет и гнетет. Одно из двух - или врет телевизор, или наше правительство.

В выходные – непереносимый поход в гости. Все из себя. Какая-то ложная значимость. Некоторые даже в галстуках. Женщины состоят из таинственности, зависти и косметики. Но фигуры те же. Для затравки обсуждают несколько свежих смертей, и кто что видел по телевизору. Все стремительно глупеет от водки. И все говорят, перебивая друг друга. Слушатели в страшном дефиците. В таких разговорах освободившееся «я» - ключевое слово. Человеку со стороны может показаться, что здесь собрались сплошь лауреаты Нобелевской премии, или хотя бы квартальной. А вот и ваш самодовольный тенорок: «Я директору и говорю, что же ты делаешь, козел! А он, извините, Иван Петрович, не доглядел».

Домой возвращаетесь поздно. Какие-то звезды на небе. Жена, стиснув зубы, терпеливо тащит вас под руку. Жена у вас хорошая.

Утром такое ощущение, что во рту протух язык, а вместо мозгов булыжники. Вода кажется необыкновенно вкусной. Жена предупреждает все ваши желания одним словом «перебьешься». Завтра начинается свежая неделя. Работа с 8-и до 5-и. На досуге скука и телевизор. Жизнь.

ЧУТОЧКУ НЕРВНО

Да, товарищи, жизнь, как говорится, штука прекрасная и удивительная, но иногда хочется бить морды. Такие обстоятельства с нервами. Действительность потому что нервная, и люди отвечают тем же. Чуть что, сразу в правостороннюю стойку. Ощетиниваются сразу, глаза в щелочку, ягодицы в горсть, остальное на пальцах: «Мое! И это уже тоже мое».

Все происходящее в мире воспринимается, как ловко просчитанная интрига, направленная против тебя.

Засуха в Малайзии? Сорвется осенью охота на утку. Начинаешь нервничать и озираться. Антарктида тает? В погребе вода выступит. А там 2 килограмма картошки. Переворот в Судане? Значит, исчезнут из продажи финики. Я их, правда, не ем, но все равно до слез обидно. Так, что все сказывается.

Или вот снова в моду входит мини. Значит, в мире увеличится число разводов. За счет моего. Поэтому что измена летом неизбежна.

Все против нас. Вот мы и нервничаем. Все постоянно на стороже. Как разведчики. Вылез из норки, хватить и назад. И затаился. И челюстями, челюстями переработал. Чтобы нервы успокоились. Здоровый желудок, крепкие нервы, цепкие руки. Чтобы уважали и здоровались издали и первыми. Тем более на Сахалин цунами надвигается, и цена упала за баррель...

Так, что хочется, товарищи, иногда бить некоторым морды.

ОДА РАДОСТИ

Человек создан для счастья, как птица для полета.

Бомж собрал двадцать пустых бутылок, сменял на одну полную и счастлив как ребенок.

У другого есть все – в холле висит Пикассо, и не его фотография, как у некоторых, а картина, золотой унитаз со сливным компьютером, личный узкоглазый повар и масса другого, но внутри ощущение катастрофы. Диагноз – обожрался! А вот если бы с ломом его, да на мороз и норму от сих до сих широкими шагами... И так на весь день, захватывая вечер, и стимулируя сзади сапогами по копчику, а потом в барак, дать кусок сала с луковицей, посадить возле печки в сухих портянках – и он почувствует себя счастливым до слез.

Так что сытые счастливыми не бывают. Но этот еще не безнадежен. Хуже всего пессимисты с интеллигентской начинкой. Особенно которые с бородками. Таких уже счастливыми не сделать. Сколько не старайся. Они привыкли страдать и это им нравится. Они думают, что это хорошо. А хорошо, по их мнению, то, что как в книгах. Они всему в жизни находят причину и мутные объяснения, все знают и раскладывают по полочкам. А любая вещь, когда ее объяснишь и разложишь по полочкам, начинает припахивать дерьмом. А когда такой запах, какое же тут счастье.

У глупого всегда аромат, аромат неизвестного. Он умеет удивляться, поэтому такие вытаращенные глаза. Их еще называют распахнутыми. Недаром «блаженный» от слова «блаженство». Но глупых людей все меньше и меньше. Как и умных. Все больше умненьких с маленькими, как у динозавра, головками и счетами вместо мозгов. Если прислушаться, то слышно щелканье – это они думают, как бы вас «объехать» и что-то с вас поиметь. Счастью они предпочитают его признаки, потому, что их можно купить. А что не покупается, они понять не могут. Как ни щелкают. Отсюда толчея на Канарах, мозолистые от золотых цепей шеи, «Мерседесы» и дорогие любовницы. И обида – все признаки счастья на лицо, а счастья почему-то нет.

А счастье оно не снаружи, оно внутри. Загляните внимательно в себя и увидите. Или хотя бы прислушайтесь. Слышите? Только щупать руками и спрашивать «почем» не надо.

МЕДКОМИССИЯ

Мы тут недавно всей бригадой коммунистического труда медкомиссию проходили. Кто до поликлиники дошел, конечно. Ну там хирурги, ухо-горло-нос, глисты в спичечной коробочке и другие крупные специалисты. И что вы думаете? Пятерых на больничный отправили. А двоих, которые вчера премию получили, сразу в морг. Подлечить, так сказать.

Наш старшой полный недоумения говорит ихнему старшому:

- Какой к чертям кошачьим морг? Они же с утра работали и ничего. Один даже в магазин бегал. Вы мне хоть, ясное море, крановщика оставьте, который с веснушками.

А врач, вооруженный градусником, ему по - научному отвечает:

- Диагноз, к сожалению исключительно трагичный. Смотрите, пульса нет, глаза ни на что не реагируют. Да и запах характерный.

Наш ему объясняет:

- Запах – это после вчерашнего.

А врач говорит:

- Значит вчера еще откланялись. В морг, батенька, в морг. Простились мы с товарищами и говорим:
 - А навещать их там хоть можно будет? Все же свои ребята и такая херня. Передачку может, какую там. Пожрать чего. Теперь уже ихний старшой - полный недоумения:
 - Как вы, говорит, медкомиссию прошли с таки причудливым отношением к своим усопшим товарищам?
- Но все ж таки стали мы их там проведывать. Внутрь, правда, не пускают, но передачи берут. Приходим, узелок медсестричке и говорим:
- Покойников Иванова и Приходько, бирочки номер 47 и 54, напоить и накормить. Не обделить материнским вниманием. И вот еще сигареты.
- Не долго мы их там навещали. Через три дня прибегают ихний старшой к нашему старшому в вспотевших очках и на колени.
- Забирай, говорит, своих вундеркиндов. У нас учреждение, я извиняюсь, культурное, а не какая-нибудь бруцеллезная ветлечебница.
 - Так они же мертвые, - ухмыляется наш старшой.
- Врач говорит:
- Еще пару таких мертвых и морг придется закрывать на переучет по причине отсутствия спирта. Но вы не сомневайтесь, состояние у них удовлетворительное. Пульс пробился, глотательный рефлекс есть, причем выражен очень сильно. Глаза реагируют не только на свет, но и на то, что плохо лежит. Так что завтра - выписка. Христом Богом прошу, - и баночку спирта сует. Вот, говорит, последняя осталась.
- Ну мы на следующий день всей бригадой в морг. И что вы думаете? В два часа выносят наших орлов. Глаза опять уже на свет не реагируют, пульс отсутствует, но поют. Слава Богу, думаем, подлечили. На радостях мы это дело естественно путем отметили. И крепенько, я вам скажу.
- Утром на работу приходим, кто дошел, конечно. Но некоторые, правда, и не уходили. Смотрю на бригаду, вижу половину можно в морг. Глаза не открываются, пульс через фуфайку не прощупывается и главное отчего-то мухи садятся. Прямо не отогнать.
- А ведь официально-то они еще живые.

ПЕТРУША

У Гусева с начала зимы жил приبلудный воробей, залетевший в форточку, и Гусев называл его Петрушей. Но воробей не знал, что Петрушей зовут его. Он думал, что так называются вкусные семечки, которыми кормил его Гусев, покупая продукт на рынке по 20 копеек за большой стакан.

А в январе Гусев познакомился на дискотеке с хорошей девушкой Лидой. И возникло чувство. Он водил хорошую девушку в ресторан, купил ей цепочку, дубленку и дамский гарнитур «Маркиза», и скоро Лида стала называть Гусева «милый» и «любимый». И еще «мое упование». А Гусев думал, что так хорошая девушка Лида называет его.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Она была милой и застенчивой.
 Он забыл, когда краснел в последний раз.
 Она обожала Пастернака и Модильяни.
 Он – холодное пиво и теплую компанию.

Она ходила на Бергмана и Михалкова.
Он – в общежитие ткацкой фабрики.
Она не могла не отдать долг прекрасному, и поэтому писала ночами стихи.
Он не мог второй год отдать долг соседу, и поэтому тот писал на него в местком.
Однажды они встретились.
Она работала в ресторане официанткой.
Он отмечал там успешную защиту своей диссертации: «Традиции лиризма в современной японской поэзии».
Оба завидовали друг другу.

РАДОСТНЫЙ ТРУД

Начался рабочий день. Снегирев сосредоточился задом на лавке и закурил. Тут до работы дошел Кузьмич, сел рядом, пожал руку и стал с ужасом вспоминать, сколько же они вчера выпили и сколько он сегодня должен. На пятой бутылке Кузьмич сбился и дал зарок.

Поспел чай, и они налили по кружке, чтобы дать толчок сердцу. Но тут до работы дошел Борис и с порога обиделся: «Почему оставили его вчера на лавке?». И назвал Снегирева «шакалом». Снегиреву пришлось встать и дать Борису в зубы. Борис убежал и вернулся с Татарином и Юрием Ивановичем из РММ.

Снегирев подло скрылся, а заторможенного с похмелья Кузьмича изловили в проходе и набили под глазом «гулю». Разнервничавшись, Кузьмич вырвался и ударил горячим и полным чайником Юрия Ивановича по роговому отсеку. И пролилась кровь.

Тут до работы дошел начальник цеха Монюшко и, разобравшись, лишил Юрия Ивановича премии на 25 процентов. За то, что ходил по территории без каски. Соблюдение правил ТБ – основа безопасного и радостного труда.

КНИЖКА

Петр Иванович Фицин любовно провел пальцами по зеленой обложке. Столько мучительных сомнений, поисков, непонимания близких и друзей, и вот все позади. Поставлена последняя точка. Закончен труд всей нелегкой жизни. Его книжка, его первая книжка – у него в руках.

Устало откинувшись на спинку стула, Фицин с волнением открыл самое начало. И сразу перед глазами встал розовощекий, ершистый максималист, не желающий мириться с маленькой зарплатой. Первый аванс. Первый конфликт. Последняя прогрессивка.

Фицин вздохнул. Помусолив палец, перевернул несколько страниц. Да все это было, все было... Солнечный Цхалтубо, ласковое море, хозрасчетная шашлычная при первом конезаводе. Последнее предупреждение, последнее слово. Первая отсидка.

Вспомнилось, как пять лет спустя, бродяжил с геологами на Алдане, бил шурфы, грелся у костра спиртом, с аппетитом хлебал бульон, в котором долго варилась кожаная сумка начальника экспедиции. А после...

- Гражданин, спите, что ли? Сейчас ваша очередь, - услышал вдруг Петр Иванович над ухом недовольный голос. Фицин встрепенулся и, сварливо буркнул: «Разорались тут», открыл дверь в кабинет заведующего райсобесом, бережно прижимая к груди свою трудовую книжку, исписанную до последней страницы.

ОСЕННИЙ ЭТЮД (Из цикла «Времена года»)

Поздняя осень. Третья неделя без солнца, как впрочем, без луны и звезд. Все тучи, тучи, подло прыскающие дождем. И даже не тучи наверху, а что-то равномерно-серое, как одинокая старость. Ощущение сырости, нечистоты и неуют.

Люди заторможенные и асексуальные, с равнодушными, как у коровы, глазами. И пахнет от них мокрой шваброй. Все какие-то бледные, хоть под образа ложи. Жизнь кажется мелкой, вялой и слабой. Впрочем летом казалось серой, душной и пустой. Так, что это, наверное, не от погоды.

Темнеет возмутительно рано, сразу после обеда. Это безобразие неоправданно мягко называют «переходом на зимнее время». А трудности, как у Суворова при переходе через Альпы. Начинаешь понимать, как скверно живет слепым. Но у слепого хоть какие-то навыки и палочка. У вас палочки нет, но зато в перспективе – костыли. Идешь в темноте наудачу, то есть напролом. Но невезучие ноги нащупывают лишь лужи или приветливо открытые люки колодцев. Ко всему, то ли грязь в вашем районе очень химически активная, то ли обувь у вас на обойном клею, но подметки, как говорят хирурги, отторгаются и синтетические носки выпадают в осадок.

Короче погодка: «Здравствуй, туберкулез». И человек человеку уже не друг, товарищ и брат, а потенциальный бациллоноситель и источник опасности, который следует избегать, а в идеале – уничтожить.

В такую погоду хочется перестать бриться, ходить в кирзачах и фуфайке и дать волю своим природным инстинктам – то есть решительно ничего не делать. Это называется опускаться или, по - научному, деградировать. Слово красивое, но означает плохое, хотя безусловно и приятное.

В это время реже ходят к любовницам, берут взятки и чаще вспоминают о родителях. Хорошая пора играть свадьбы, подкручивать электрические счетчики и покупать теплые стельки.

Но большинство лежат на диване и для уюта тихо бздят. А потом выясняется, что жизнь не удалась, жена – стерва, а детям ты не нужен, потому что они дети. И кто-то им виноват. Что делать, это один из основных параграфов брака. Да, господа, жизнь скудна и обманет. Это – данность. Но все равно обидно. Ни разу не было по-настоящему хорошо, ни разу по-настоящему плохо. Было только по-настоящему скучно. Душа в какой-то паутине. Такие вот примерно озарения посещают вашу голову под стук дождя.

Это природная мерзопакость (я о погоде) длится бесконечно, и уставшие люди ищут причину этого. И находят. В правительстве одни шакалы, и этим все легко объясняется.

Зима замешкалась и неизвестно где она. Ваши нервы уже на исходе. Но наконец наступают те 7 часов утра, когда вы просыпаетесь на полчаса раньше обычного. Что-то не так. Что-то светло. Первая мысль – отключили отопление, газ и воду. Вы, поддерживая трусы, рысите к окну и ваши губы разъезжаются шире плеч. «Снег...» - шепчете вы. «Дети, снег!» – говорите вы таким тоном, будто это вы разбрасывали его всю ночь. И дети смеются у вас на руках. Начинается какой-то новый этап нашего небольшого пути на этой планете. Все радостны и оживлены, а некоторые даже шутят. И только из глубины двора слышится ругань. Это проснулся дворник.

И вы ни за что не поверите, что через месяц вы так же будете стоять у окна и с ненавистью думать, когда же он наконец растает.

«Се ля ви», как говорят французы. Что ж, может быть они и правы.

Да, совсем забыл. Еще осенью с деревьев падают листья.

КАК ОКАЗЫВАТЬ ВЛИЯНИЕ НА МУЖЧИН И ВЫХОДИТЬ ЗА НИХ ЗАМУЖ

Вводная: вы обаятельная и привлекательная. Ну просто из ряда вон. А он почему-то этого не замечает. Диагноз: он, как все мужчины, боится брака. Иных причин просто быть не может. Итак...

На первом этапе важно вселить в него уверенность в ваших силах и неуверенность в своих. Пусть он поймет, что без вас он неполноценная человеческая единица с отрицательным знаком. В общем, чем больше у него вселится подобных чувств, тем быстрее вы вселитесь в его квартиру.

Старайтесь постоянно оказываться в центре его внимания. В центре его невнимания вы успеете побывать после свадьбы. Самая эффективная мера – быть или на худой конец казаться неприступной крепостью, хотя бы для него. Некоторые в таких случаях начинают метаться и способны жениться просто из принципа. А пока пусть попереживает, поревнует, притрется...

Но все же, в меру сил, будьте нежны с ним и почаще повторяйте (мужчины тупые), что вы его все-таки любите. И никогда не рассказывайте ему о ваших прежних увлечениях. Экономьте свое и его время.

В качестве профилактики чувств полезно оставлять его иногда в одиночестве. Но ненадолго! Он может задуматься (у мужчин это бывает), и вся ваша затея полетит к черту. Помните, на земле кроме вас есть еще 2,5 миллиарда женщин, и на половину из них ваш избранник способен клюнуть. И, ради бога, не старайтесь казаться умнее его. Вы и так умнее.

Умейте ценить его знаки внимания. Пусть даже поначалу это будет открытый рот. Но, возможно, он просто хочет кушать. Поэтому пытайтесь время от времени готовить ему что-нибудь вкусненькое, но необязательно заставлять его все это съедать. Вам нужен здоровый муж.

Будьте снисходительны к его маленьким слабостям, если только эта слабость не половая. Даже если вы несете его на себе пьяного из гостей или застаете за собиранием на остановке окурков. Но в то же время тщательно их фиксируйте – после свадьбы не нужно будет искать повода для скандала. Также интересуйтесь его богатым духовным миром. Зачастую для этого достаточно не пропускать телепередачу «Футбольное обозрение».

Полезно быть хоть немного таинственной. Пусть он думает, что в вас что-то есть. Когда он поймет, что именно, будет уже поздно. И не требуйте слишком многого. Если он обещает вам после свадьбы полную чашу, бестактно уточнять чего.

И последнее – избегайте мужчин глупых, скупых, бездельников и пьяниц. Если вам встретится мужчина, лишенный этих недостатков, то одно из двух – или вы влюбились, или это переодетая мужчиной женщина.

СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ

- Болею я наверно, - признался один
- Что такое? – беспокоились окружающие
- Скучно мне, и ничего не светит.
- Ха-ха-ха, - сказали окружающие. – Ишь ты, деятель нашелся. Нам, может быть, тоже ничего не светит, но мы не выпендриваемся, как некоторые, - и, яростно затаив: «Широка страна моя, родная», окружающие пошли трескать водку с дежурными женщинами.

А один с ними не пошел, ему и водка была скучна.

На улице секла метель. И в окна дуло. Один помаялся, помаялся, и, оставив после себя лишь глупую записку, повесился. А так как мыла в свободной продаже не было, то он наверно испытал массу неудобств.

Окружающие отбили телеграммы, организовали приличные похороны и богатые поминки. Короче, три дня забот был полон рот, а разговора версий тем более.

А потом опять стало скучно.

СВОИМИ СЛОВАМИ

Насчет любви. Бывает в жизни такая петрушка. Возьмет и нечаянно нагрянет. И вроде ее и не ждешь совсем. И вроде вечер, темь и слякоть, а для тебя он становится удивительно, прямо хорош. Даже самому поразительно. Трезвый как будто, неделю ни-ни, а поешь. Это потому, что баб много вокруг. И неплохих баб. Можно даже сказать, хороших. И имен разных много. Ласковых таких, женских. А из них у тебя в башке лишь одно. И тревожит, бляха муха, тревожит. И уносит, уносит. Сон и покой уносит. Не говоря уже о получке. А покоя сердцу не хочется – жить-то как хорошо на свете. Особенно с таким сердцем. Одним словом, спасибо, сердце, очень спасибо. Особенно, если умеючи, да еще так любить.

ДАЧА ВЕРЕВКИНА

А в субботу Веревкин пригласил нас к себе на дачу. Отдохнете, сказал, сил наберетесь. Сеня, правда, что-то заподозрил, но Веревкин его уговорил. Даже стихотворение прочитал про цветущую яблоню и любовь к природе. Но Сеня продолжал колебаться. «Русскому человеку без земли никак нельзя» – веско сказал тогда Веревкин и посмотрел в глаза. Это на Сеню подействовало, так как отец у него был по нации евреем. И мы поехали. Я, Сеня и сам Веревкин. С двумя пересадками.

- Прелесть! Да? – приглашая нас к веселью, фальшиво сказал Веревкин, показывая свой участок.
- Ничего, - дипломатично сказал Сеня и спросил: - А зачем тебе здесь три лопаты?
- Да это так, - засуетился Веревкин. – Для разминки. Так сказать, мышечный тонус.
- А ты – Спиноза, Веревкин, - все понял Сеня.
- Ну, а ты как хотел? – вздохнул Веревкин и, дав нам рукавицы, объяснил, что почем.

Но почем наша работа мы и так догадались. А Веревкин знал заранее. Поэтому он отмерил широким шагом агронома громадную площадь и в конце делянки поставил три бутылки. Чтобы мы, значит, копали целеустремленней и видели сколько осталось.

- Моральный стимул, - исчерпывающе сказал Веревкин и поплевал в ладоши. На него было противно смотреть.
- Слушай, Веревкин, - через десять минут сказал Сеня, - ты мне объясни. Вот лежит земля, никому не мешает. А мы эту землю бедную переворачиваем. Причем переворачиваем грубо, железной лопатой. Ты мне объясни, зачем?
- Агротехника, - одним словом отделался Веревкин. Он не хотел сбивать дыхание и тратить силы на лишние разговоры.

Веревкина можно было понять. Зачем копали мы было непонятно. У всякой дружбы существуют разумные границы.

Но тут Сене улыбнулась удача – треснул черенок его лопаты. Уж очень сильно он поднажал. Сеня вздохнул с облегчением и выпрямился.

- Не везет, так не везет, - лицемерно сказал он и поглядел под яблоню, где висел гамак.

Я ему позавидовал. Но Веревкина как человека, имеющего дачу, а потому закаленного и привыкшего ко всяким неожиданностям, это не смутило. Он на удивление быстро, не успев Сеня выкурить свою «Астру», сменил негодный черенок.

- Чтоб у тебя руки отсохли, чтобы драть не мог – честно сказал Сеня, и мы вгрызлись в землю снова.

Через час Веревкин наконец объявил перекур. Было видно, что это ему далось нелегко.

- Давай чайку попьем, - сказал он, провел нас в домик и налил по стаканчику водки.

- Бог любит троицу, - деликатно напомнил Сеня.

- По окончании – жестко сказал Веревкин.

Желание работать у нас после этого пропало совершенно. На Веревкина же водка подействовала, как живая вода. Он копал уже с каким-то остервенением. С таким обычно ходят в штыковую атаку. Мы с Сеней окончательно взопрели и утомились. Пот капал, не переставая, а с ним, увы, вышел и весь наш небольшой кайф.

- Как там насчет чайку? – пытался направить процесс Сеня, - а то в горле пересохло.

- Погоди, рано еще, - остудил его Веревкин. – Видишь уже больше половины сделали – и впал в малооправданный оптимизм. – К четырем, глядишь, и управимся.

И к четырем мы конечно не управились. Не управились мы и к пяти. Докопали к половине шестого. Под вечер наступила прохлада и работалось легче.

Веревкин так устал, что даже не стал ровнять перекопанное граблями.

- Навозцу земля просит. Ну ничего, в понедельник привезу КАМАЗ, мне Колька обещал. И нужно будет раскидать, - как-то обречено сказал Веревкин. – А это три дня в упор.

- Черт, а я послезавтра в командировку уезжаю – решительно и сразу сказал Сеня. – Вернусь через три месяца. Как раз к урожаю.

Врал он всегда непринужденно. Веревкин ощутимо сник.

Сели пить проклятую водку. Питейное настроение у нас уже прошло, но отказываться мы, естественно, не стали. Должны же у человека оставаться хоть какие-то принципы.

- Знаете что, ребята, - сказал Сеня, когда мы разлили, - у меня сегодня в процессе работы родился тост. Давайте выпьем за то, чтобы твоя, Веревкин, дача побыстрее сгорела. И чтобы ты стал свободным человеком и твоя бессрочная каторга прекратилась.

Веревкин выпил первым и разрешил нам курить прямо в домике.

ПАША

Клюев приголубил граммов 150 водки и решительно отставил рюмку в сторону. Только он потянулся к шкапчику за стаканом, как в дверь позвонили. «Кто там еще?» – чертыхнулся Клюев и на всякий случай спрятал бутылку в холодильник. Но это была телеграмма «Паша умер тчк вылетай немедленно вскл.

Соломон». Ключев схватился за голову и из-за ослабевших ног сел на диван. «Паша умер. Боже мой, Паша умер. Как же так?» – билось в мозгу.

Он хотел заплакать, но тут вспомнил, что его шурина звали не Пашей, а Петей, и он его видел три часа назад. «Что за черт, - подумал Ключев. – Какой еще Паша?» Он напряг память. Родственников и друзей с таким именем у него не было. Был, правда, один дядя Паня, так его два года как похоронили. И кто такой Соломон? Царь что ли? Он повертел телеграмму. Все точно. И адрес его и фамилия.

В это время опять затренькал дверной звонок и опять принесли телеграмму. Ключев расписался карандашом и нервно развернул бланк. Вторая телеграмма гласила: «Пашу откачали тчк, врачей убью тчк. Оставайся дома зпт приеду сам тчк. Соломон».

«ну вот и наладилось. Ну вот и обошлось», - в какой-то прострации подумал Ключев и неожиданно для себя запел песню «Солнечный круг».

Вечером в дверь еще звонили четыре раза, но больше Ключев никому не открывал.

МУЗЫКА В ЭФИРЕ

Клычов слушал по телевизору симфонический оркестр и под фортепьянные переливы неумолимо засыпал.

- Зина, - наконец, преодолевая слабость, попросил он, - переключи на другое, а то от этой музыки я отрубаясь.
- А что? – сказала жена и прочитала в программе, – Бетховен какой-то.
- А, Людвиг Ван... - вспомнил где-то слышанное Клычов.
- Ван? – удивилась жена. – Японец что ли?

Клычова покинула вся его сонливость. «Господи, - с тоскливым ужасом подумал он – не знать таких элементарных вещей! С каким пошлым и ограниченным человеком я живу. Бежать, бежать, хоть на край света, хоть к черту на рога, но бежать от этой самодовольной пошлости!»

И, задышавшись от ярости, он закричал:

- Дура! Ты даже не знаешь, что Ван – это вьетнамская фамилия!

НА 70-Й СТРАНИЦЕ...

Зашел я как-то в магазин. Думал, винно-водочный, а там какие-то книги. Гляжу, и моя продается.

- Берут? – спросил я у продавщицы.
- Не-а – сквозь зубы ответила она.

«Вот суки-то» – горько подумал я, а вслух сказал:

- Хорошая книжка. Таких сейчас на Москве не пишут. Я читал. Талантливый паренек.

Продавщица зевнула и посмотрела на меня с сомнением.

- Только секса чересчур, - помолчав, развивал я. – На каждой странице. Хотя, конечно, с блеском. Особенно когда в коллективе...

При слове «секс» продавщица шевельнулась. Вздохнув, я положил книгу на место. Потоптавшись ради приличия у отдела технической литературы и купив в кассе календарик с голой негритяжкой, я направился к выходу. У двери оглянулся. Кудряшки продавщицы склонились над моей книжкой. Вернуться бы, сказать, что секс там только на 70-й странице, в рассказе «Курносое утро». Когда главного героя, бизнесмена Гришу Мелехова «сношали» на таможне, требуя сертификат качества в виде ста «баксов».

Но вместо этого я улыбнулся железной улыбкой – пусть ищет, дура – и пошел домой писать этот рассказ.

ЭТО ЛЮБА ЗВОНИТ

- Але, а Васю можно?
- Слушаю.
- Это Люба звонит.
- Слушаю.
- Это Люба звонит. Ну, помнишь, из депо.
- Какого еще депо?
- Ну, под каре такая!
- А-А, Люба! Ты же говорила, что на молокозаводе. Молоко делаешь.
- Какой молокозавод?! Шпалоукладчица, четвертая бригада.
- Люба! Ну, под каре такая. Ну, родинка еще на щеке.
- А-а, Люба! Привет. Ты извини, давай покороче. У меня сейчас жена из ванной выйдет.
- Так ты же не женатый!
- Кто, я?
- Ну, не я же. Ты же говорил.
- Кто, я? Точно я? Слушай, а ты откуда мой телефон знаешь? В смысле номер.
- Так ты же сам дал! Ну, помнишь, когда с дачи уезжали.
- А-а, Люба! Сразу не узнал. Богатой будешь.
- Здесь будешь. Вася, я тебе чего звоню. Я тебе насчет той встречи звоню.
- Нашел деньги?
- Это кто звонит?
- Да Люба!
- Какая еще Люба?
- Ну, на даче с которой. Ну, 7-ого июня. Под каре такая. Родинка.
- С молокозавода?
- С депо! Четвертая бригада.
- С депо?
- Ну да, Люба. Насчет аборта.
- А-а, Люба. Давай короче. А то воду уже не слышно.
- Какую воду?
- У меня сейчас жена из ванной выйдет. Воду, говорю, уже не слышно. Короче.
- Нужно две штуки, я узнавала. А без наркоза я не согласна.
- Две штуки? А может, оставим? Грех ведь.
- Это кто у телефона?
- Вася.
- Синяя «девятка»?
- Нет, желтый «москвич».
- Это 6-19-80?
- Нет, 7-23-60
- Петя! Наконец до тебя дозвонилась!
- Это Люба! Я тебе насчет аборта звоню.
- Слушаю.

РЕДАКТОР

Редактор был как всегда необыкновенно бодр, топорщился от планов поднять тираж и поражал доброжелательностью.

- Прочитал ваши новые рассказы. И скажу вам – замечательно! – он сделал такое восторженное и влюбленное в меня лицо, что следующей стадией, если рассуждать последовательно, должен был идти поцелуй в засос. Я невольно отодвинулся.

Однако этого не произошло. Он только плотоядно пощипал свою холимую бородку и распоясался совсем:

- Да какой там замечательно! Просто великолепно. Давно не испытывал такого наслаждения.

В прошлый раз он мне говорил «гениально!», и что с того? «Ну-ну, приятно слушать», - скептически подумал я, стараясь не вдыхать ядовитый фимиам.

- А нам приходится печатать разнообразное дерьмо. Того же вон Шендрюкова, - редактор с ненавистью поглядел на свежий номер газеты.

«Сколько тебя этот Шендрюков по кабакам водил», - хотел сказать я, но лишь сделал соболезнующее лицо. Меня не покидала наивная надежда напечататься в его путаной газете с неопределимой политической и сексуальной ориентацией.

- Или вот, на прошлой неделе... – редактор начал искать на столе.

«Отчего у него такие белые зубы», - подумал вдруг я, совсем как Красная шапочка в гостях у бабушки, - и, вообще, красавец – мужчина» - во мне трепыхнулась здоровая зависть.

В это время в кабинет вошло что-то тонконогое и плоское женского рода и положило перед редактором коричневую икряную папку. «А секретарша у него уродина» – от этой мысли зависть немного отпустила. Я даже ею залюбовался.

- Но, мой золотистый, - редактор отодвинул папку и нацелил палец в потолок – есть один маленький недостаток. Ваши произведения не совсем актуальны. Вы наверно слышали такое словосочетание «социальный заказ»? Почему бы вам не написать что-нибудь о новом русском? Что-нибудь хлесткое, пусть даже за гранью фолы. Творите проще. Тем масса. Водка, секс, другие средства общения. Чтобы читатель, грубо говоря, обожрался.

Я соглашательски кивнул и почему-то перестал волноваться. Раньше он отклонял мои рассказы из-за того, что не про перестройку и нет «ростков нового». Потом за то, что герои много пьют, хотя они и пили значительно меньше самого редактора. Один раз он требовал от меня юмора в духе Гоголя про бригадный подряд, да так ловко написанный, чтобы второй темой ненавязчиво шла госприемка.

- Или, - мысль редактора качнулась, расширяя мне оперативный простор, - муж возвращается из командировки – тоже хороший сюжет. В духе времени, так сказать. Пора, пора вам, голубчик, встать вровень с эпохой. А то, что у вас? Нищая старушка, то какие-то артисты балета. Это читателю неинтересно. - Редактор задумался. - Или вот еще свежая тема. Дарю. Человек пошел куда-то с девушкой и захотел в туалет. И развивайте. А закончить можно, что он все-таки, грубо говоря, обоссался. Но лучше все-таки о «новом русском» - он откинулся в кресле и довольный собой закурил что-то ароматное.

«Поджечь их что ли?» - как-то отстраненно подумал я, а вслух слабо засопровтивлялся:

- Да где же я в своем захолюстье «нового русского» найду?

У нас безработица и нищета.

- Ищите. Понимаю – нелегко, но писателю всегда нелегко. Потолкайтесь в людных местах, на рынке. У вас, например, кто-нибудь из знакомых ездит на «Мерседесе»?

- Ездит, - признался я. – Но это не «новый русский».
- Почему?
- Потому, что курить постоянно «стреляет» и на пиво, - объяснил я.
- Да, действительно, про евреев писать лучше не надо – вздохнув, согласился редактор. – Но вы все же попробуйте. Про «нового русского». Вы меня понимаете?

Наступила пауза. Лишь было слышно, как с контрабасным звуком воздух бороздила муха. Пора было уходить.

- Хорошо, я попробую – соврал я, пожимая его энергичную руку. Глаза редактора смотрели на меня с умилением и надеждой.

Ругая себя пронзительными словами, я вышел из кабинета и столкнулся с секретаршей. Красивее она не стала. Мне сделалось весело.

Больше я в эту редакцию не ходил. А о том, как я ходил в другие редакции, смотрите выше. Только секретарши там были посимпатичнее.

УТРО

Первой проснулась и жутко захохотала гиена. Ее крик разбудил небольшую популяцию макак-резусов, тут же устроивших привычную потасовку. Царю зверей это не понравилось, и вздрагивающую тишину раннего утра разрезал его призывающий к порядку рык. Вторя ему, справа подобострастно затыкал подхалим – шакал...

- Надо бы тоже кого-нибудь себе завести, как все нормальные люди. Хотя бы попугая. А то уже перед соседями неудобно, - торопливо допивая кофе, подумал я и положил в карман пачку рафинада, чтобы задобрить гималайского медведя, которого жилец снизу держал на лестничной площадке.

КОРОВА КАК ТАКОВАЯ

(Рекомендовано в качестве учебного пособия для студентов сельскохозяйственных вузов)

Корова дает молоко. Вернее не дает, а его грубо изымают из вымени, называя это культурным словом «дойка». Коровье молоко – вкусный и полезный продукт. По жирности оно не уступает и превосходит. Одной из главных причин того, что молоко не получило более широкого распространения среди трудящихся, является досадное отсутствие в нем алкоголя.

Молоко доят доярки (не путать с «баядерками» - прим. Редакции) и дояры. Последних меньше из-за тяжелых условий труда и отдыха. Доярки носят белые халаты и бидоны с молоком, от которых у них самих молоко пропадает. По весу и телосложению доярки мало отличаются от тех, кого доят (см. теорию Ч. Дарвина – прим. Ред.).

Коровы спариваются с быками. Это их спарринг – партнеры. От быков бывают телята и племенной материал. Корова в положении называется стельной (не путать с фразеологизмом «в стельку» – прим. Ред.) Бык (он же бугай, он же производитель) – та же корова, только мужского пола. Если доят быка, то это называется не дойка, а по- другому.

Мертвая порубленная корова называется говядиной. Это – ценнейший (см. ценники – прим. Ред.) продукт, по питательности тоже не уступающий. Еще корова производит «коровьи лепешки» (пищевая ценность незначительна – прим. Ред.) Для получения последних корову необходимо кормить. Желательно

ежедневно. У нас корова питается тем, что дают, в других странах - так называемыми растительными кормами.

Пословицы и поговорки, которые необходимо знать: «бодливой корове бог рогов не дает», «как корова на льду», «ласковый теленок у двух маток сосет» (не путать! – прим. Ред.) и другие («я назову тебя зоренькой» – прим. Ред.)

Техника безопасности: Не подходи к корове спереди, а к кобыле сзади» (брехня! – прим. Ред.)

В добрый путь, молодой зоотехник!

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ

Главное - не задумываться. Задумался – остановился. Остановился и тебя обогнали, обдавая перегаром и пылью...

Живешь с женой вроде нормально. Старший уже в армии. Младший ходит в драмкружок. Играет по системе Станиславского. Есть телевизор. Мечтали о кухонном комбайне. А на все отпускные к морю... И тут бац – задумался. А зачем? Где смысл? Где второй смысл? Пошел к ларьку и на все отпускные...

Когда не задумываешься – все хорошо. Жена внушает доверие. В болезнях технический перерыв. На даче буйно принялись гибриды. Любимая в дни получек работа. Жена, она, конечно... В семье не без урода. Но с другой стороны, и ты не без семьи. И «запорожец», в конце концов тоже машина. А задумался – все пропало. Фикция и мираж благополучия. Человек идет к ларьку и на всю любимую получку... Туда же урожай гибридов.

Или вот. Фотки, где они на Канарах. По ночам считает выручку. Утром, не выспавшись, на работу. Жена куколка. Дочка читает Шекспира в подлиннике. Причем на родине автора. Короче, все путем. С законами, правда, сложнее. Ненарушенным остался только закон Бойля – Мариотта. Но вдруг бац – задумался. Бац – ужаснулся. Какие-то угрызения. Что-то типа совести. Выучил две молитвы и прозрел. Стыдно вот так, когда народ голодает. Пора очиститься от скверны, тем более, поп что-то такое советовал. Идет человек в народ со всеми своими деньгами. Через два дня его привозят без зубов, с открытой травмой черепа и заднего прохода. Все- крушение биографии. Со своими травмами он уже не в авторитете. Дочка читает Шекспира в переводе на русский. И уже на родине переводчика. Жена из куколки превратилась в ночную бабочку. А все потому, что человек задумался.

Так что думать нужно аккуратней. Не так размашисто. Тем более, люди изобрели телевизор, газеты, оздоровительные карточные игры, кубок УЕФА, наконец - лишь бы никто не задумывался. Максимум удовольствия в минимум времени «Сникерс» съел и порядок. А у любви, как у «кэффри» крылья...!» И не задумываться!

ТИЛИ-ТИЛИ ТЕСТО

- Люблю очкариков. Они в шахматы хорошо играют,- держа под мышкой клетчатую доску, проникновенно сказал папаша Любы и дружелюбно осмотрел меня.

Я зарделся и снял ботинки. Когда я прошел в залу, фигурки уже были растравлены. Папаша, предвкушая изощренную шахматную рубку, усадил меня напротив и сообщил:

- Ходи, твои белые.

- Видите ли, Егор Иванович, дело в том... Я собственно, не совсем умею. В детстве я перенес...
 - Давай, шуруй, как умеешь, - подбодрил папаша и заранее задумался. Поставив мне за десять минут четыре мата, из них один «детский», папаша поскущел, и дружелюбие на его лице сменилось безгливой жалостью.
 - Ничего, дочка, тут не о ком жалеть. Не стал бы он тебе хорошим мужем. Это же надо, даже белопольного слона развить не может, - гладил он по голове расстроенную Любу, пока я одевался в прихожей.
- У Тани отец был попроще.

- Садись, паря. Я вишь, ты, гуляю. У меня седни большой человеческий праздник. Получка, трах-бабах-тах-тах в задницу. Ну-ка, Танюха, принеси во что налить ухажеру, - сказал он по-простому и наполнил. Торжественно провозгласив «Ну, поехали», папаша внедрил в себя что-то техническое и удовлетворенно замер. Я выпил вслед, закусил селедочным хвостиком и, ухватившись за скатерть, упал под стол. Мне намочили под краном голову, вернули букет и попросили больше не обременять себя визитами.
- Слабак ты, паря, со стакана рубишься. В нашем роду Бугровых таковских не бывало. И не хрен породу перешибать, трах-бабах-тах-тах в задницу, - сказал на прощание папаша и яростно запел «Расцветали яблони и груши...»

Узнав, что родитель Оксаны тихо помешан на шахматах и гибельно увлекается рюмочкой, я начал планомерную подготовку. Походив с месячишко в шахматную секцию, я уже вовсю орудовал конями, да и остальные фигурки двигал довольно осмысленно. Дело было «на мази» и, попив сырых яиц, чтобы не опьянеть, я с уверенным сердцем отправился покорять папашу Оксаны.

Результат превзошел все ожидания. В шахматы с помощью домашней заготовки (кражи фланговых пешек) я сделал две приличные ничьи и одну партию отложили в связи с ужином. Сели к столу. Скоро чуб папаши полоскался в тарелке с супом, а слюна с нижней губы длилась до пола. Я же смотрелся огурчиком и развлекал вероятную тещу пикантно выдержанными анекдотами.

Через месяц сыграли свадьбу, и сейчас с папашей Оксаны у меня очень хорошие отношения.

Тем более, что женился я на Марине, которая была сиротой.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Бизнесмен Жердяев, пнув гавкающую собачонку, вошел, спотыкаясь, в темные сени и с подъемом крикнул в теплый, остро пахнувший полумрак:

- Эй, хозяйева, тут штоль презентация?

Отворилась скрипучая дверь, выпустив очередную порцию алкогольно-махорочного духа, и чей-то отмякший загульный бас, пробиваясь сквозь застольный шум, спросил:

- Ты что ли, Василий?
- Ну, а кто же еще? – удивился Жердяев, нетерпеливо вздел на гвоздь полушубок и, щурясь и приглаживая на правый глаз жидкие волосы, вошел в избу.

Презентация торгового дома «Курицын и сыновья» проходила в самом торговом доме – теплой пятистенке Степки Курицына. Оглядевшись, Жердяев увидел знакомые лица известных бизнесменов и деловых людей родного села. Судя по всему, праздник уже достиг своего жуткого апогея. Не успел Жердяев наладиться на лавке, как вышел младшенький Курицын и, держа поднос, на котором тесно, плечом к плечу стояли стаканы, стал по иностранному обычаю

обносить гостей. Жердяев вылил в себя крепчайший напиток, вернул глаза с затылка на первоначальное место и, закусывая раскиселившимся бочковым огурцом, увидел рядом на лавке знакомые прожженные штаны менеджера с МТС Ивана Осадчего.

Здорово, Иван! – переведя дух, приветствовал его Жердяев. Осадчий прекратил жевание и, ошеломляя Жердяева взглядом своих асимметрично расставленных глаз, протянул шершавую как пятка руку.

- Ну, как маркетинг и лизинг, Иван? – сердечно спросил Жердяев, стараясь не смотреть Осадчему в глаза. Так он чувствовал себя уверенней.
- Ничего. Спасибо, хреново, - уклончиво ответил Осадчий.
- На бирже играешь?

Осадчий засунул в рот розовый кусок сала и с умным видом кивнул.

- У Анфиски?
- Не-е. К Анфиске я больше не ходок. Имидж не тянет. Я понимаю, биржа. Так ты лавки поставь, мышей потрави, чтоб акции не грызли. Трубу опять же почисть. А то вон на прошлых торгах еще три позиции не зачитали, а два брокера с Федоровки, что на печи сидели, уже угорели. Да у одного в сенцах пальто с каракулевым воротником унес кто-то. Рисково с ней ходить. Я сейчас все больше у Гришки играю или у Калюжного. В клубе тоже биржа неплохая. Я там себе недавно новые кальсоны справил, - наконец разговорился Осадчий.

Тут их беседа сделала перерыв. К столу, поддерживаемого с трех сторон сыновьями, подвели самого основателя торгового дома – старшего Курицына, с утра уже напрезентовавшегося, как свинья. Он, сияя огнеупорным лицом, остановился у стола, обвел гостей изумленным взором и хлопнул в ладоши. Причем с первого раза не попал. Тут же появился младшенький с подносом. Снова выпили. Вперед вышел гармонист Юрий Петрович, специально приглашенный для культурной программы. Курицын сипло крикнул:

- Эх, Петрович, твою мать! Нашу давай! – и заранее заплакал.

Юрий Павлович деловито поправил очки и, привычно, как эспандер растягивая гармошку, заиграл «Ламбаду». Курицын два раза нерасчетливо топнул и едва не опрокинулся на несвежие полы. Его усадили за стол. Видя такое дело, опытный Юрий Петрович сменил репертуар и перешел на проверенный «эх, мороз, мороз». И Курицына укачало – положив горячий лоб в холодную закуску, он на третьем куплете уснул.

Жердяев с Осадчим остановили человека с подносом и взяли еще сосудорасширяющего. Осадчему еле-еле пошла.

- Не могу, гадство, без запива. Хоть бы воды или рассолу какого поставили, - объяснил он.
- Хронический алкоголизм, - уверенно определил Жердяев и, помолчав, поделился радостью.
- А у меня, Ваня, акции растут. На этой неделе аж до трех мешков комбикорма поднялись. А вспомни с чего начинал?

Демонстрируя благосостояние, Жердяев угостил Осадчего папироской и закурил сам.

- Отчего ж они у тебя так растут? – поинтересовался Осадчий, маскируя в дыму выражение лица.
- Отчего надо, от того и растут, брат. Сам понимаешь – коммерческая тайна.
- Ха, нашел тайну. А то я не видел, как вы с Ефимом мешки со станции ночью перли.

У Жердяева от этих слов перестала дымиться папироса.

- Тише, ты! – тревожно заглядывался он.

- Да мне-то что, - хмыкнул Осадчий. – Вот если Петька- участковый узнает... «Не дай бог заложит. Ведь Петька ему родня», – прошла ознобом мысль у Жердяева и ему представилось страшное: поземка, лесоповал и он, постаревший, с пилой «Дружба» в руках, а рядом солдат с трудом сдерживает злую овчарку. Жердяев вздрогнул плечами и сказал неопределенное:
- Да, Иван, холдинговая компания с ограниченной ответственностью – это верная деньга.
- Чиво? – ответил Осадчий.
- Ты, спрашиваю, как? Все жвачкой пацанам торгуешь?
- Когда это было? – оскорбился Осадчий.- Я сейчас представительство в райцентре открыл. В баньке у бабы Клавды Голощекиной, Условия оригинальные, можно сказать, хорошие. В субботу выходной – она по субботам моется. Так, что сиди себе и торгуй. Товар качественный, поступление по мере перегонки. Клиентура...

Договорить Осадчий не успел. Дверь с треском распахнулась, в нее всунулась чья-то окровавленная морда и драматически закричала:

- Веселитесь?! А там мужики с Красновского бизнес-клуба наш комбикорм воруют. Третий трактор уже грузят!

Все соскочили с мест. Опрокинулась лавка...

Очнулся Жердяев у фермы с дыном в руках и уже разбитым носом. Рядом с прибаутками пинали Осадчего «Эх, кто ж знал, что они с Урюпинской ассоциацией сольются. Числом гады взяли», - успел подумать он и побежал выручать Ивана. А то не дай бог заложит.

НА ДЕРЕВНЮ ДЕДУШКЕ

Здравствуй, дорогой дедушка!

В первых строках своего письма рад сообщить тебе, что это пишет тебе твой внук Артем. Чего и вам желаю. У нас все хорошо. Дом наш сгорел, а Бобика, когда он лаял, убили пожарники. Живем мы теперь в летней кухне, хотя она сейчас уже зимняя. Сестра моя Люба ходит в школу. Ты спрашиваешь, что она оттуда приносит? Я не знаю. Но мама говорит, что через два месяца она что-то оттуда принесет. И наверно много, потому, что принесет в подоле. Как узнаю что, так сразу напишу, а может быть и пришлю посылку. Ты спрашиваешь еще, пьет ли на работе папа? Нет, папа на работе уже не пьет. С работы его выгнали. Мама говорит, что за хорошее поведение. Поэтому в школе я веду себя хорошо. Может тоже выгонят. Здоровье папы поправилось. По совету врачей он теперь каждый день гуляет перед сном и приходит домой только утром. Ты еще спрашивал, ходит ли к нам сосед дядя Сережа? Нет, он обиделся и больше не приходит. Из-за чего обиделся, я не знаю. Я слышал, что он дал папе какие-то рога, а папа их ему не вернул. Наверно, дядя Сережа из-за этого обиделся. И, вообще, дядя Сережа – герой. Его недавно чем-то наградили. Чем наградили, я не расслышал. Меня выгнали из кухни. Соседка говорит, что у нас неблагополучная семья. И еще папа говорит, что дядя Сережа – плохой человек и ходит по большому папе в карман. Я поглядел у папы в карманах, но там были только пробка и стакан. Но запах есть. Я только в зимнем пальто не глядел. Не успел, потому что его съела моль, а остатки папа пропил. Вот написал об еде и опять захотелось кушать. Я когда вырасту большой, буду каждый день кушать.

На этом заканчиваю свое письмо, потому что керосин нужно экономить. Дедуля, я тебя очень люблю. Хоть папа и говорит, что ты – старый козел. Но это неправда, ведь ты еще не старый.

Целую. Твой внук Артем.

ГРАД

У нас тут в Орлином Умёте недавно град прошел. Хороший град, крупный. Куры бы такие яйца несли, им бы цены не было. Только стекла напрочь дзинькали. А Василию Петровичу, соседу, на его «Москвиче» даже заднее окно пробило. А там фанера с палец была. Васькина Любка, что на выселках, до сих пор поперек головы перевязанная ходит. Приурочило ее так с неба. Но слух ходит, что это муж Васькиной Любки, то есть Любкин Васька так ей ко лбу приложился по пьяной запальчивости. Так что град тут может еще и не причем. Хотя как знать. Вон сколько курей полегло от этого града, а у Афонихи козу убило. И с культурой того... Плохо вышло с культурой. Да, я не про клуб. Он у нас давно закрытый и без дверей, а культура в нашем колхозе одна. Овощная. Помидоры 3000 га, огурцы 1600, капуста в третьей бригаде. А град так все отдулет, что и собирать нечего. Кто купит помидор с дыркой? Убытков на огромный преysкурant. Наш председатель прямо с горя запил, хотя он и до этого две недели не просыхал. Вот такая печальная рапсодия. Тем более, что рапс в этом году тоже не уродился. Потому, что не сеяли.

Короче, кара Господня. Вывод напрашивается однозначный: кто-то в селе крепко грешен. А бог, как говорится, все видит, а что не видит, то слышит. Вот и ниспослал. И из-за одного-двух все страдать должны.

Стали у нас решать на правлении, где я в сторожах, кто грешен. Какая паскуда. Председатель сразу говорит:

- Это не я. А кто про коттеджи заикнется, того сгною и фермером вонючим сделаю. Фермером сделаю, а землю не дам. И вообще, говорит председатель, я на свои ворую. Все вокруг колхозное, все вокруг мое. А с Нинкой – секретаршей я осенью распишусь. Видит Бог, распишусь. Если двоеженство к этому времени разрешат. И детей ее всех усыновлю, хоть у нее и одни дочери. Я – человек добрый, богобоязненный, совестливый. Усыновлю, хоть и дети не мои. Хотя и от меня.

Следом главный инженер встает, наш бывший парторг, водички из графина попил, на очках платочком резкость навел и говорит принципиально, невзирая на лица:

- Да тебя, Палыч, никто и не винит. Конечно, коттедж ты мог бы и двухэтажный построить. Поскромнее, как у меня. Но как говорится, большому кораблю... И трубами можно было бы поделиться. Тем более вместе воровали. Но это, я считаю, не грех. Грех было бы их не украсть. Так, что и я, можно сказать, человек – честный, если не принимать во внимание должность. А кто там шушукается за углами, я скажу по - демократически, как бывший коммунист – чья бы корова мычала...

Тут встает Гриша – зоотехник, побледнел весь и говорит:

- А причем здесь зоотехник? У меня и коровы-то отродясь не было. Так, мелкота одна – бычки на откорме. А то, что они в колхозном стаде, так это я их воспитываю по Макаренко. В коллективе. Чтобы не росли иждивенцами и эгоистами. Так это, я считаю, досадная мелочь. И «Мерседес» – мелочь. По сравнению, например, с «Кировцем», если брать глобально. И в городе я квартиру купил не от хорошей жизни. Я – человек молодой, мне надо насчет семьи и или хотя бы брака определяться. А наша ни одна доярка в «Мерседес» не помещается. Если брать ее глобально, то есть лежа. Городские помещаются. А город далеко, бензин туда-сюда не напасешься, вот я из-за этого неделями

черт знает с кем, и дома не бываю. И вообще, я считаю, нужно к колхозникам приглядеться. Совсем осукинсынились. Больше начальства пьют. А, спрашивается, на какие шиши? Два года ведь без получки. А мы хоть и получаем, а толку? Я, например, на свою получку больше семи раз в неделю себе позволить выпить не могу. Глобально для кармана...

Председатель говорит:

- И я тоже больше семи раз не могу. А вот некоторые могут. Встань, агроном Нехлюдьева!

Стали будить агронома Нехлюдьева, из графина на него брызгать.

- Не успели, бляди, до дождя – сказал спросонок агроном Нехлюдов, певуче пикнул и захрапел опять.

Главный инженер говорит:

- Окно откройте. Что-то здесь, товарищи, накурено.

И тут Нинка – секретарша забегают и председателю на стол:

- Вот из города. Метеопредупреждение.

Читаем. На 4-ое августа обещают обильный снегопад, метель и поземку. И только в нашем селе. В других местах солнечно и вообще божья благодать.

Видно опять кто-то грешен.

В ПОДВАЛЕ

В последнее время с утра повадился дождь. Вот и сегодня... Ветер ерошил мокрые деревья. Продувало даже в пиджачках. Тем более оба нуждались.

- И почему, говоришь? – стараясь не шевелить головой, спросил Резцов.
- 35 рублей, 19 градусов. Сахар 8 процентов – сказал Васин.
- Еще ничего, – сосчитал Резцов. – Еще по-божески.
- Пошли, что ли? – спросил Васин.
- Пошли, – согласился Резцов.

... Пили в подвале у сантехника Гриши. Пахло фекальными водами. И вообще пахло. Вокруг висели женские фотографии, календарь с Высоцким, спартаковские вымпелы и прочее, чему положено висеть в подобных местах. В углу была крысиная нора. Когда крысы выглядывали, Васина мутило.

На столе, крытом газетой «Труд», лежали павшие мухи и колбасно-хлебные огрызки. Закусывали килькой и лучком, курили в консервную банку. Лучок был злой. Иногда звонил служебный телефон, и Резцов довольно говорил: «А нас здесь нет».

Винчишко оказалось поганеньким, но потом втянулись и стало легче. Когда наливали Васину, он, сокрушаясь, восклицал:

- Эх, ты черт, на работу же идти надо. – И продолжал сидеть.

Резцов кидался сантехническими болтами в крыс, смеялся, как Бармалей, и ссал в углу на запорную арматуру.

Но четыре бутылки, увы, не ящик.

- Ну чо? – сказал Резцов. Он был румян и энергия из него прямо прыскала – 20 рублей уже есть, если сдать – он кивнул головой на опустевшую стеклотару.
- Эх, ты елки-палки, ведь на работу же идти надо – с мукой сказал Васин и достал из кармана синюю пятерку.

Гриша почесал в голове и ушел по жильцам. Вернулся он с пятидесятирублевой бумажкой и молча бросил ее на стол.

Грязной изношенной дорогой пошли к магазину снова. Гриша остался – он был на работе.

Приемщица долго и пытливо рассматривала бутылки.

- Ты еще лупу возьми – весело сказал Резцов.
- Приемщица посуровела и две бутылки забраковала. Завязался скандал. Резцов усугублял свою речь нецензурными выражениями. Но злая тетка захлопнула перед ним окошко, и пришлось уйти несолоно хлебавши.
- Я вас, блядей, выведу на чистую воду! – крикнул Резцов на прощание.
- Потом встретили знакомого и заняли у него десять рублей до конца света.
- Живем, - сказал Васин, пересчитав наличность.
 - А вот еще одна бахчисарайская роза – вдруг преобразился Резцов и подошел к какой-то низенькой и коротконогой даме с брюшком.
- Резцов был тот еще фрукт и склонялся к изменам. У Васина тоже имелась любовница – жена Резцова и он немного тяготился этим. Все-таки друг.
- Разговаривал Резцов с толстухой долго. Васин даже устал.
- Все мазя, - сказал, возвратясь наконец, Резцов. – на завтра договорился, - и он с улыбкой Асмодея потер руки.
 - Как ты только таких «коряг» трахаешь? – уважительно покачал головой Васин.
 - Эх, Степа, - сказал Резцов, входя в магазин, - некрасивых женщин не бывает. Просто бывает мало водки.
- Васин подумал, что это Резцов догадывается, испугался и замолчал.
- Когда пришли в подвал, Гриша кемарил, сидя за столом. В черных пальцах кукишем торчала папироса без дыма.
- Наверно футбол вчера по телеку смотрел. Поздно кончился, - объяснил Васин, ставя бутылки на стол.
 - И какой счет? – стало интересно Резцову.
 - А какая разница? – пожал плечом Васин и толкнул Гришу.
- Сели продолжать. Про работу Васин по причине забывчивости уже не вспоминал. Резцов стал рассказывать о своих случаях из жизни. Рассказывал он хорошо и в деталях. У холостого Гриши даже сделалась эрекция. Васин тоже внимал, не пропуская. Тот факт, что Резцов гуляет от жены, несколько оправдывал и его, Васина.
- Потом Васин вспомнил, как он попал в аварию и показал то место, где у него неправильно срослось. Покореженная нога произвела на всех сильное впечатление.
- И тут как-то внезапно кончилось сначала вино, а потом курево. Гриша ушел наверх, чтобы стрельнуть у жильцов. У самого подъезда он на ровном месте споткнулся и, покоряясь закону всемирного тяготения, упал рукавом и коленом в грязь. К нему подошел комендант дома Журавлев. В силу непонятных причин сегодня он был трезвым и поэтому изобличил Гришу в пьянстве на работе. В подвал Гриша вернулся бледный и злой. Пришла пора расходиться.
- А что он молчит-то все время, твой Гриша? – спросил Резцов на свежем воздухе.
 - А черт его знает. Глухонемой наверно. – предположил Васин, и они стали прощаться.

АЛХИМИЯ ЛЮБВИ

Зыбин ехал знойным воскресным днем в автобусе второго городского маршрута и, как всегда перед обедом, хандрил. С целью разбавить в себе скуку и меланхолию – вечную спутницу сорокалетних женатых мужчин, он между делом разглядывал распространившихся по салону пассажиров. Он их разглядывал, а голова от нечего делать выдавала нечаянные мысли – невелички. «Эту бы стал, –

хищно прищурившись, думал Зыбин – эту в сарафане тем более. Вон с челочкой тоже ничего. Уставилась в окно, как в телевизор. Гордая. Поставил бы я тебя в третью позицию, ноги на ширине плеч и обменялся бы страстями. Куда бы твоя гордость девалась. С усиками они, говорят, темпераментные. Старушку с бидончиком трогать не будем. Старость надо уважать. А вон в мини зашла. Что за попка – прелесть. Эх, лучше бы ты не поворачивалась. Но все равно можно. С сумками слишком толстая, хотя как знать, как знать. А вот скромная, газетку читает. Прямо монастырский одуванчик. Знаем мы таких в очках. А в постели наверно «мертвую петлю» делает».

Невдалеке же от Зыбина стояла пухленькая дама годов тридцати с ясными взглядами на жизнь и на мужчин в частности: «Этому бы дала, люблю с косматой грудью. В кепке, хоть и с «фонарем» под глазом, но чувствуется благородный мужчина. Ему бы тоже дала. А вон грузин, грузин. Тут и говорить нечего. А этот противный, на Чубайса похож. Хотя рыжие, они на это дело злые. Так что попробовать не мешало бы. Какой офицер стройный. Чистенький, подтянутый. Орел. С таким не грех и в Сочи».

Тут она взглянула на Зыбина, и их взгляды встретились. «А этому паразиту никогда», - уверенно подумала дама. «Лучше уже старушку» – поморщился в ответ Зыбин.

Но в эту ночь они будут спать под одним одеялом. Странная это все-таки вещь – супружеская жизнь.

ФИЛЬМ

Раз иду по улице, ко мне мужик подходит. Бородка у него еще такая, веером.

- Друг, говорит, у тебя глаза бесстыжие. Не хочешь сняться в порнографическом фильме?
- Про наше сельское хозяйство, что ли? – спрашиваю.
- Нет, говорит, с постельными сценами.

Я говорю:

- А завтрак в постели будет?

А он:

- Эх, не говори, чего там только не будет.
- За просто так что ли? – говорю.

Он говорит:

- Оплата у нас сдельная.

Я:

- Как это?

Он говорит:

- Сколько дублей сможешь сделать, столько и получишь.

Я говорю:

- Если будут снимать завтрак в постели, то я могу очень много дублей сделать.
- Нет, говорит он, дубль у нас считается только когда с женщиной...

Я прикинул свои возможности и говорю:

- А сколько платят за один дубль... ну, допустим в неделю.

Он говорит:

- Столько-то плюс спецодежда.
- Какая еще спецодежда? – спрашиваю. - Рукавицы что ли?

А он:

- Спецодежда у нас резиновая. В аптеке покупаем.

Согласился я. Утром прихожу на съемку.

Ко мне ассистентка подбегает. Кудрявая такая и вообще черт знает что.

Говорит:

- Не желаете ли перед съемками для настроения принять ванну?

Я смутился, но думаю, у них это положено.

- Куда мне ванну? – говорю ей честно. – Я больше пяти бутылок зараз никогда не принимал. Но учтите, говорю, если я выпимши, то дубль может не получиться.

У нее от удивления кудри на голове вопросительным знаком встали.

Тут их главный подошел со вчерашним мужиком и говорит:

- А ты не заразный?

Я говорю:

- А геморрой половым путем не передается?

Они говорят:

- Нет.
- Значит, говорю, не заразный.
- А сколько поз в сексе знаешь?

Я говорю:

- Сто поз знаю... секса по телефону.
- А теперь, говорит, только честно. Ты – сексуальное большинство или меньшинство?
- Вообще-то я – воздержавшийся, - говорю.
- Импотент что ли? – спрашивает.

Я говорю:

- Частично.

Главный нахмурился и говорит:

- А ну разденься!

Я разделся. Он посмотрел и говорит тому мужику с бородой.

- Это не просто импотент. Он у него даже висит неправильно. Тем более наколки неприличные. Как его голым снимать...? Ну ничего, говорит, задействуем его на роль обманутого мужа – рогоносца. Роль, говорит, тебе знакома?
- Знакома, - говорю. – В том году раз приезжаю от шурина...
- Ну и славно, говорит. - Значит так. Ты возвращаешься из командировки, Открываешь шкаф, а там любовник.

И мотористу своему кричит:

- Мотор!

Я говорю:

- Подождите. Может он сначала ужинает с дороги, а потом открывает шкаф?

Главный говорит:

- Ужин по сценарию они до тебя съели. Значит, ты открываешь шкаф, видишь любовника и говоришь жене: «Что все это значит, Жужу?» И волокешь любовника к двери. Понял?

А любовник... Сам как шкаф.

Я говорю:

- Подождите. А любовник роль хорошо выучил?

Он:

- В смысле?
- В смысле, он мне сдачи не даст? А то я раз в прошлом году приезжаю от шурина...
- Не волнуйся, говорит, сдачи не даст. Он раньше продавцом работал и привычки такой не имеет, сдачу давать.

Ладно. Начали снимать. Открываю дверь, захожу с чемоданом. Навстречу эта самая Жужу. Красивая такая, но моей законной уступает. Килограммов семьдесят. Одета просто и со вкусом. В костюме этой... Нет, не Нины Ричи. А Евы. И не как у моей все балахоном висит, а приталено все и в обтяг. А сзади такая выточка... Хотел ее просто поцеловать с дороги, да видать из очень длительной командировки приехал. Соскучился. Сначала в щечку, потом в губки, а потом... А она очень страстная оказалась женщина. Сразу кричать начала.

- Маэстро, - кричит, - а кто мне будет эти сверхурочные оплачивать?!

Главный кричит:

- Стоп! Глуши мотор! У нас с этим придурком не порнографический фильм, а вообще какая-то порнография получается.

А любовник вылез из шкафа и мне по зубам.

- Я, говорит, такого себе даже на кинопробах не позволял.

Вообще выгнали меня и даже спецодежду не дали.

Выпил я с горя, прихожу домой, а в коридоре какой-то мужик. И глаза бесстыжие-бесстыжие.

Я говорю жене:

- Что все это значит, Жужу? – и как тому мужику дам.

Сильно врезал - у него морда вся на мелкие кусочки.

Оказывается, пока я снимался, жена зеркало купила...

Одним словом, сплошная порнография.

ПРИНЦ

Вот и еще один год прошел. И ничего не сбылось. Встреча с Принцем откладывается на светлое потом. А про кого думала, что он – Принц, оказался подлецом с красной строки и большой буквы. Но ухаживал, правда, красиво. Цветы дарил. Подойдет, бывало к клумбе, руки раскинет и говорит: «Вот, дорогая, я дарю тебе это море цветов!»

Все на «девятке» приезжал. Ну да, около моего дома «девятый» троллейбус ходит. Говорил, между прочим, что он солист группы «На-на». Врал, наверно. Потому что я от него только «дай-дай» и слышала.

- Давай, - говорит однажды, – вместе с тобой деньги на свадьбу копить.

За год накопили. Хорошая свадьба получилась. Меня, правда, не пригласили. Неудобно, объясняет, и так свадьба на твои деньги, а тебе еще и подарок нести.

Архитектор еще был. Нет, тот цветы не носил. Он очки носил и под их тяжестью сгибался. Все с какой-то Офелией меня путал. Такой рассеянный, но ревнивый, ужас. Пристанет иной раз как банный лист с ножом, не люблю ли я, кроме него, еще какого-то Шекспира? Одно слово, архитектор. Но говорил, заслушаешься.

- Если архитектура, - говорит, - это застывшая музыка, то наша архитектура – это застывший нецензурный мат.

А раз он у меня спросил, чего я видела у какого-то там Феллини? А чего я у него могла видеть там, если он передо мной не раздевался?

Он сразу чего-то к маме засобиравшись. Сказал, что через два дня вернется. Я заплакала:

- А если не вернешься?

- Если, - говорит, - не вернусь, то прошу считать меня коммунистом.

С тех пор я коммунистов не люблю.

А потом я с одним черненьким познакомилась. Йогом оказался. Ну, с ним мне легко было. Сядет, бывало с утра в позу лотоса, так весь день лотосом и просидит.

Даже пахнуть начинает. Польешь его из леечки, вот и весь уход. Все было хорошо, пока у нас с ним дело до постели не дошло. Я же не знала, что они, йоги эти, на гвоздях спят и наждачной бумагой укрываются. Раз напильничком прошелся - и постель готова. Я, конечно, стала использовать предохранительные средства. В частности гвоздодер. Он меня спрашивает:

- Ну, хоть шурупы можно оставить?

Я говорю:

- Если только у тебя их в голове не хватает.

Обиделся он, принял на прощание позу змеи, взял постель подмышку и ушел. В общем, не везет мне. Особенно последние 30 лет, как родилась. А почему? Ведь я не путана какая-нибудь. Хотя и много в жизни напутала. Подруги говорят: «Простая ты, Нинка, мужикам веришь. Ты людям лучше верь».

А как не верить? Может, окажется среди них мой Принц, а я не поверю. Не обязательно красивый, главное, чтоб хороший.

ПОДРУЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Гусев допил пиво и облизал усы. Приятная переполненность желудка. А теперь диван – по телевизору начиналось кино. С перестрелками, мордобоем, погонями и другими излишествами, освежающими нервы. Американское кино. Гусев, лежа на диване, наблюдал за перипетиями быстрых событий и сочувствовал главному герою – хорошему парню из аризонской глубинки. Во время рекламы два раза бегал в туалет. Это - единственный недостаток пива. Наконец, хороший парень из глубинки отомстил по телевизору всем, кто ему насолил, зачехлил револьвер, поцеловал на фоне готовых простыней спасенную миллионершу и фильм закончился. Пора было на боковую, тем более завтра в шесть.

Гусев, вспоминая красивую миллионершу, сделал «люблю» жене Зине и отключился до утра. А ночью ему приснился сон. Будто вместо хорошего парня из телевизора он – Гусев и тоже мстит всем, кто ему насолил. Мстит с помощью подручных средств – автомата Калашникова, веревки, гранаты-лимонки и топора «а ля Раскольников!».

Первым делом он, конечно, застрелил начальника цеха Цурюпу – за его жлобство, стукачество и трезвый образ жизни. Перед своей смертью Цурюпа ползал на коленях, плакал как баба и вообще показал себя с плохой стороны. Повесил Гусев также своего директора Сверчкова Степана Ильича, чтобы воздух на земле был чище. Вешал не торопясь, с перекурами, а коттедж директорский сжег. Потом он оттяпал голову сержанту Кирочке (фамилия такая), который гноил его в армии. Голова сержанта в пилотке на оттопыренных ушах лежала на тумбочке, хлопала рыжими ресницами и извинялась. Но обратно ее уже не пришьешь. Убил он также тещу, Саньку Губина, который увел у него невесту, тех прыщавых подростков, снявших прошлой зимой с него пальто и шапку, и соседа по даче Манько, который украл у него полсотки посредством переноса межи.

Последней, так сказать, на десерт, он задушил свою единоутробную жену Зину. За город Сочи, за ее норковую шапку, оплаченную геморроем Гусева, за того грузина с цветами и вообще в целях профилактики.

Покончив с женой, Гусев наконец проснулся. За окошком начинался рассвет. Рядом мерно дышала Зина. «Эх, надо было гранатой» – посмотрев на нее, подумал Гусев и пошел ставить чайник.

ВО МРАКЕ МОЛНИИ ЛЕТАЛИ

У Леньки Недопекина жена была ведьмой

- Ну и что? – осведомленно скажете вы. – Эка невидаль. Подобное явление повсеместное, куда не плюнь. Взять хотя бы мою...

И ошибетесь. Другое тут. Дело в том, что супруга Леньки была самой настоящей, можно сказать, потомственной ведьмой в наипрямшем смысле этого слова. Бабка-покойница, та еще штучка, ремесло ей свое передала, рецептам кой- каким научила. Правда, саму бабку Ленька, Слава Богу, не застал, но слышал о ней многое. В основном легендарное и отчасти героическое. Как ее однажды сильно побили оглоблями, когда на Ивана Купалу вся деревня начисто сгорела, кроме ее двора Или как она с точностью до одного дня предсказала снятие Хрущева. Умирала бабка, говорят, морально очень тяжело. Все никак ей Бог смерти не давал. Набуровила потому что до хрена, как считал Ленька. За ней ведь не только пожар, но и другие поступки, в виде подлянок, числились. Долго можно рассказывать. То местный поп себе гарем с персидским развратом из пожилых прихожан устроит. То на плодородные колхозные поля неурожай ляжет. И ладно там на год-другой, так нет же, на все девять пятилеток. И колхоз по этой причине, как любил говорить его пятый и последний председатель: «Оказался в глубокой жопе». Ясно по чьей вине.

Так вот, эта самая злобная старушка все требовала перед кончиной к себе свою внучку Нинку, будущую жену Недопекина, и без нее умирать категорически отказывалась. Родственники само собой испугались – вдруг и вправду... - и привезли Нинку из города, где она пединститут заканчивала. Схватила бабка Нинку своими обеими руками и говорит: «Нинка, холера, ты что ли?» и дух из нее на выход. Вот так жена Недопекина и стала ведьмой.

Естественно, совместное ведение хозяйства с любой женщиной имеет свои плюсы и минусы. Например, одна красивая, как икебана, но готовить ленится и все налево норовит, другая ни морды, ни титек, но зато работающая как не знаю кто. Имелись эти арифметические знаки и в семейной жизни Леньки.

Начнем с плюсов. Нинка заговорами и травами лечила любую Ленькину болезнь, за исключением похмелья. Конечно, она бы и его оформляющийся алкоголизм вылечила в два счета, но Ленька не разрешил, сказал, что это – святое. И еще. Нинка зарабатывала хорошо деньги. Кого приворожит, кому погадает или сглаз устранил. Одному потенцию восстановит, другому, глядишь, наоборот. Люди благодарили от чистого сердца, и Нинка, если давали, не отказывалась. Так, что дела в финансовом смысле выглядели очень даже ничего. Ну и само собой холодильник было приятно открыть.

О минусах. Нинка пользовалась широкой известностью и даже славой, и квартиру Недопекина постоянно осаждали посетители с зареванными детьми, тоскующие по сексу вдовы, молодые люди, носящиеся со своей любовью как с писаной торбой и другие страждущие. Ни с газеткой напротив телевизора полежать, ни в туалет толком сходить. И еще имелся самый главный минус, перечеркнувший немало Ленькиных секретных задумок и остроумных проектов. Ленька был мужчиной видным и на женщин реагировал правильно, – если что подворачивалось, того старался не упускать. Но, когда он начал жить с Нинкой, возникли специфические трудности.

Составит он иногда себе оптимистичный мысленный планчик: «Завтра надо бы к Лизке завернуть, пока муж на буровой, а дочка в пионерлагере. Ух, и оторвусь...» И вот Ленька утром, обуреваемый адюльтерными мечтаниями, как он с Елизаветой Петровной и так и эдак, надевает белые интимные трусики, гладко бреется, а за завтраком Нинка ему и заявляет:

- Леопольд, (она его почему-то Леопольдом звала) знаешь, что мне сегодня приснилось?
- Откуда? - отвечает Ленька, а сам уже под ложечкой нехорошее чувствует.
- Приснившееся мне, Леопольд, печально и отвратительно. Будто ты мне изменил с какой-то сивой кобылой по адресу: улица Щорса, дом 9, квартира 54. Это правда, Леопольд?

После этих роковых слов чай у Леньки, естественно, идет носом. Потому что все правильно. Лизка – блондинка и адрес тютелька в тютельку. Только с определением «кобыла» он мог бы и поспорить, но это дело вкуса. Ленька подбирает носом застрявший в нем чай и смеется. Смеется фальшиво, с какими-то козлиными обертонами. Будь на месте Нинки Станиславский, он бы непременно воскликнул: «Не верю!» Но Нинка только проницательно улыбается и говорит певуче и страшно:

- Смотри, Леопольд, блядства в нашей семье не было и не будет.

Ленька пытается все перевести в шутку, кое-как отбредивается и напоследок говорит красивую и магическую фразу:

- Нино, если я тебе когда-нибудь изменю, то ты узнаешь об этом первая.

Слова эти Ленька перенял от своей предыдущей жены, которая приводила их к месту и ни к месту. Как потом выяснилось, гуляла она от Леньки на всю катушку, и вопреки ее заверениям, он узнал об этом огорчительной факте самым последним. Но это так, к слову.

После завтрака Ленька уходил в спальню, истово и неправильно (слева направо) крестился и, горестно вздыхая, менял интимные трусы на трусы семейные. Со слабой резинкой и синего цвета, цвета разбившихся надежд.

Обжегшись подобным образом раза два- три, Ленька, преодолевая сердце, смирил свои мужские позывы и на других женщин только смотрел и облизывался. А в мечтах он доходил до исступления, и многие женщины даже не подозревали, что их мысленно кто-то имел и даже неоднократно. Наяву же Леньке приходилось довольствоваться только Нинкой. Как сказал один умудренный писатель, «хлебать пресную похлебку законной любви». Постепенно Ленька образовался в порядочного семьянина и мужа, порядочного до изнурения. И не развода он боялся и скандалов с неожиданным захаркиванием лица, а того что Нинка, прознав ведьминским способом про его половые вариации на стороне, подмешает ему в чай какой-нибудь чудо травки, и станет он в тридцать восемь лет никому ненужным и подсознательно презируемым больным инвалидом. А с ее патологической ревностью – это запросто. Так что, ходи и оглядывайся.

Первое время после свадьбы (вспоминать противно) Ленька даже гордился, что жена у него такая уникальная и козырял этим направо и налево. Потом, присмотревшись, он заскучал и несколько утратил жизнерадостный цвет лица. Дело дошло до того, что в супружескую постель, где все было чересчур знакомо, он ложился с чувством раба, садящегося за весло галеры. Но и это цветочки. Унизительнее всего было то, что Нинка видела его насквозь, до самого донышка. Что на сердце, что в голове. Иногда Ленька ощущал себя препарированной лягушкой под микроскопом какого-нибудь пытливого вейсманиста- морганиста. Даже деньги после получки никакого интереса не было заначивать. Все равно Нинку не обманешь.

А однажды между ними состоялся примечательный разговор, который раскрыл многое. Дело было после гостей, где Нинка против обыкновения крепко выпила. Для нее и три рюмки считалось уже крепко.

Дома, устало бухнувшись на диван, Нинка сняла колготки и, обнаружив в них дырку, ни с того, ни с сего вдруг вдохновилась на скандал:

- Чего это ты все вечер около Лариски крутился? Все медленные только с ней танцевал... Хоть бы раз жену пригласил для приличия.

Ленька, который весь вечер обжимался с хозяйкой дома, вяло отвечал:

- Да просто сидела она рядом. Чего не пригласить-то, если все равно рядом сидит. И вообще, как у тебя такое в голове? Она же жена Василия, а с Василием мы сама знаешь какие друзья.
- Не надо мне лгать, Леопольд. Я устала от лжи. А твою кобелиную душонку насквозь вижу. Учти, ты у меня давно под знаком вопроса стоишь.
- Чего ты видишь? Чего? – занервничал Ленька.
- Я тебе, Леопольд, не угрожаю – слишком много чести. Но запомни. Если ты мне хоть с кем-то хоть один маленький разочек, то все...
- В каком смысле «все»? – Ленька насторожился.
- Все значит все. Импотентом станешь. Будет он у тебя за место краника, только воду сливать. Ни одна больница не поможет.

Когда мужчине говорят такие вещи, настоящий мужчина бледнеет. Побледнел, правда слегка, и Ленька. С кривой улыбкой он, как бы шутя, спросил:

- Все-то ты про меня знаешь. Может, и когда я умру, скажешь?

Нинка вдруг трезво и серьезно взглянула на Леньку, и сказала – Когда ты умрешь, не знаю. А что умрешь от воды, это я знаю точно.

После этих Нинкиных слов атмосфера в комнате неуловимо изменилась и стало слышно, как диктор по телевизору сказал: «В Прибалтике без осадков, от нуля до трех градусов тепла». Они молча попили чай, посмотрели «Кинопанораму» и, разоблачившись, легли спать. В эту ночь Ленька исполнял свой супружеский долг с особой ненавистью. Нинка кричала.

Прошло полгода. Ленькина жизнь, обрастая нехорошими привычками из-за портящегося характера, продолжала свой бег неизвестно куда. Во всяком случае, не вперед. И Ленька нет-нет, и вспоминал тот злополучный разговор. А вдруг Нинка не врала? В то, что он после первой же измены утратит свои мужские кондиции, Ленька, честно говоря, не верил. Это она на пушку берет. А насчет воды – здесь дело сложнее, потому что вода – понятие растяжимое. Здесь Ленька блуждал в догадках. Можно утонуть, хотя он плавал не хуже Ихтиандра и свободно переныривал местную речку Воробьиху. С другой стороны лед - тоже вода. Сосулька весной на темечко упадет, и считай, умер от воды. Или где паром ошпарит – аналогичная картина. Да и водка, которую сейчас продают - в сущности, та же вода. Свихнуться можно от размышлений. Но такие настроения случались эпизодически, и у Леньки это в принципе не болело. Он также, когда случалось, купался в Воробьихе, парился в бане и пил не меньше прежнего.

Но как-то под осень Леньку послали на месяц с предприятия в степь. Строить кошары. Там бригада из его РСУ работала, а Ленька при них шофером вместо измотанного стремительным поносом от местной воды Полипчука.

Точка была глухая, и даже название какое-то несуразное и басмаческое Базар-Чулан. Жил там один коренной житель – Кенжебай со своими двумя семьями, человек добрый, но крайне ограниченный из-за отсутствия телевизора. А больше никто не жил. Вернее не выживал. Белесая солончаковая степь со змеиными тропами и перекасти поле, скорпионы и зной, от которого не пьется водка. И вот, посередине этой Невады стояли запыленные бригадные вагончики с кроватями и носочным запахом внутри. Рядом тянулась электрическая линия из плохо ошкуренных столбов с обвислыми проводами. В двух вагончиках жили шабашники с прожженными кирзовыми лицами, в третьем помещалось что-то типа столовой. В

нем ночевала повариха по имени Оксана, единственное, что Леньке понравилось в этих мрачных, пржевальских местах. Только из-за нее здесь стоило жить и работать. Это была приятно полная хохлушка с серыми прохладными глазами и сенокосным загаром, похожая на артистку Гундареву. По утрам, когда Оксана в спортивном костюме, нагнувшись драила казан, вся бригада, собравшись у крылечка, задумчиво курила. Каждый молчал о своем. С женщинами здесь было туго, а попросту говоря – никак. По первой ребята пытались наставить рога местному жителю Кенжебаю, тем более кто-то пустил глупый слух, будто у ихней нации это самое дело не вдоволь, как у всех женщин, а поперек. Каждому хотелось попробовать. Но незнание языка и дробовик Кенжебая энтузиазм охлаждали. Да и согласитесь, 50 лет для женщины – это все же возраст. Хотя не варить же ее. Подъезжали с разными разговорами и к поварихе, но тщетно – отшивала она резко. К тому же Оксана игнорировала самогон, а с такими женщинами шабашники общаться не умели. Да и в бригаде подобрались еще те штукари – воспитание подзаборное, в разговоре цензурные только предлоги... Так, что их тупые бездарные ухаживания последствий не имели. И на этом портяночном фоне Ленька в своем джинсовом костюме и с запахом одеколона «Миф» зазвучал. И еще он привез с собой пару американских детективов, один из которых Оксана взяла почитать в первый же вечер. А наутро она вышла в нарядной кофточке и с накрашенными губами. В этот день шабашники курили дольше и ожесточенней обычного. «Это из-за тебя она так. Выделяет», - сказали мужики Леньке. Ленька это дело намотал на ус и начал интригу. То дров нарубит, то в райцентре ей женский журнальчик купит, то транзистор ей на ночь даст... Вечерами после ужина он начал возить ее на безымянное озерцо купаться. На первое купание с ними увязались шабашники. На второе тоже ничего не получилось – рядом со своими баранами кочевал Кенжебай и очень утомил их своими разговорами, тем более что русским он владел в объеме этикеток. Но в третий раз Ленька не оплошал и зажал Оксану в кабине. У поварихи оказались мягкие парные губы и неожиданно девичьей упругости тело. Правда, до главного дело не дошло. «Вечером» – сказала Оксана.

В этот день шабашники спихнули на сторону пиломатериалы и после работы шумно пропивали «левые» деньги. Ленька для приличия выпил стакан и стал незаметно собираться на любовь. Сердце плясало радостную чечетку, и Нинка для него сейчас находилась чуть ли не на другой планете. Когда по «Маяку» стали передавать концерт по заявкам, а шабашники отвлеклись разливанием очередной бутылки, он тихо вышел из прокуренной обстановки вагончика в свежую прохладу ночи.

Чуткая природа была созвучна Ленькиному состоянию. На горизонте затевалась непогода в виде грозы, первой за лето, жалобно гудели и раскачивались электрические провода и летели куда-то в степь ажурные шары перекати поля. Ленька сплюнул окурком, пригладил прическу и, оглядевшись, деликатно постучал. Дверь сразу же открылась и его обняли...

... В окошко под аккомпанемент ветра настукивал дождь. Ленька, эпизодически и загадочно освещаемый молниями, в свободной позе лежал поверх одеяла и, невнимательно похлопывая Оксану по жаркой спине, глядел в потолок. Из одежды на нем была только папираса. Все получилось наилучшим образом. Оксана оказалась бабой не разношенной и подозрительно опытной в любовных делах. Да и Ленька, честно говоря, не ожидал от себя такой прыти. Во всем теле ощущалась приятная истома и слабость, и только в одном, самом мужском месте, вопреки прогнозам Нинки, звенящая сила. Вспомнив о жене, Ленька самодовольно улыбнулся: «А говорила, что как изменю, так сразу импотент. Всем бы быть такими импотентами». С этими мыслями он осторожно высвободил руку, и чувствуя остро выраженную

физиологическую необходимость по маленькому, натянул джинсы и вышел на воздух.

А на воздухе было хорошо. Дождь прекратил свою деструктивную деятельность, небо очистилось и с него телеграфировали крупные умытые звезды. И даже ветра уже не ощущалось. У шабашников продолжался праздник – слышался идиотский смех, пьяный разговор и гитарные звоны. Ленька довольно потянулся, подошел к ближайшему столбу, чиркнул джинсовым замочком и с облегчением зажурчал. И вдруг со страшным криком согнулся пополам...

А случилось вот что. Подлец ветер, гоняя стаи туч, оборвал провода и конец с электричеством упал на сырую землю. А дальше дело физики за седьмой класс. По тугой соленой струе ток перебрался с одного оголенного конца на другой, принадлежавший Леньке, и ударил... Мужчины, снимите шляпы и налейте себе чего-нибудь покрепче.

Кое-как доковыляв до вагончика, Ленька, немного придя в себя, осмотрел и ощущал пострадавшее место. Все было также, но что-то казалось не так. Окоченевший от страха, он растолкал Оксану и сдуру поделился своим злоключением. Опытная Оксана сразу взяла дело, извините за каламбур, в свои руки, но сколько она не стимулировала и не целовала Леньку, его машинка не работала. Не заработала она ни завтра, ни послезавтра.

Черное предсказание Нинки сбылось. Сбылось в самой тяжелой и злокачественной форме.

Прошло еще смурных полгода. После неудачного квартирного размена Ленька тихо, как мышь за веником, жил в по - пароходному маленькой комнатке в старом районе города. Гранд мерзавка Нинка вообще-то не настаивала на разводе, говорила Леньке, что они и так проживет. Но Ленька не хотел быть профессиональным рогоносом и уж очень он ненавидел Нинку за все хорошее, что она ему сотворила. Нинка оправдывалась, клялась, что она здесь ни с какого боку не замешана, что это, мол у него на роду, но Ленька не верил ей ни на вот настолько. Он не забыл тот памятный разговор. И что умрет от воды – тоже помнил и твердо решил, что такой радости он Нинке не доставит.

Но жизнь продолжалась. После базар-чуланской трагедии круг доступных радостей его жизни сильно сузился, с чем Ленька, конечно, смирился не сразу. Он покупал на базаре килограммами грецкий орех, пил настойку из крови молодого петуха, сельдерей и корня ослиной колючки, нажимал на мясо и – ничего. Ленька ходил на сеансы иглоукалывания, ездил в Москву, где за бешеные деньги подвергся лечению у Кашпировского, разыскивал по глухим деревням Нинкиных коллег - беззубых, зловещего вида старух и каждая находила у него порчу и снимала ее, но результат был нулевой – радостей жизни не прибавлялось. Это было непоправимо. Правда, после Кашпировского Ленька по неведомой причине постепенно из шатена превратился в жгучего и кудрявого брюнета, но и эта метаморфоза его не радовала.

Надо было как-то жить дальше. Ленька уволился с прежней работы, где уже знали о его горе, и влился в новый трудовой коллектив – стал работником ВОХРа. Сутки работаешь, трое дома. Женщин там не было, да и люди служили больше ветеранистые и седые. Все полегче.

Беда постоянно напоминала о себе. Он шел, чтобы развеять грусть, в кино, а на экране люди только тем и занимались, что соблазняли и использовали друг друга с необузданной страстью. Ленька дожидался первого интима и, матерно комментируя увиденное, пробирался к выходу. По телику и в книгах то же самое. А Леньке это – как нож в спину. Но никуда было не деться. Весь мир держался на сексе.

По ночам, подробно вспоминая свое прошлое, он понемногу плакал и помногу курил. Студеное одиночество окружало его. Старых друзей он, боясь жалости,

избегал, новые не заводились. Да и зачем? И еще напасть. После того, как из-за гипноза Ленька сделался брюнетом, он вдруг стал бешено нравиться женщинам. То в автобусе какая уставится на него своими накрашенными бельмами и покраснеет, то письмо с идиотским признанием по почте получит. Или соседка, у которой муж сантехник, попросит его кран починить. «Известно, какой ей кран нужен. Потолще и подлиннее» - понимал Ленька и, мрачняя, отказывался.

Иногда он на улице покупал что-нибудь порнографическое и подолгу рассматривал дома. Может, прошло? Но не проходило. Все те же «полшестого», как у сломанного будильника.

По первой Ленька стал крепко прикладываться к рюмочке, а потом и к стакану. Решал проблему по-русски. И оправдание было хорошее. Это он как бы специально так, чтобы уязвить Нинку. Вот, мол, из-за нее человек пропал и спился. Чтобы у нее, змеюки, совесть наконец заговорила. Постепенно стал пить по - черному, надираясь в стельку еще до свету. Но полноценным алкоголиком Ленька все же не стал. В одно прекрасное утро он посмотрел на свои трясущиеся руки и вдруг отчетливо понял, что может действительно легко и непринужденно спиться, а Нинке-то что от этого? То-то и оно. Леньке стало страшно и в нем что-то стронулось. Он самую малость опохмелился и с того дня старался придерживаться сухого закона. Хотя срывы, конечно, на день - два бывали.

Со временем боль притихла или он к ней привык, появились новые интересы и занятия. Ленька стал много кушать и по возможности вкусненькое. На это он не жалел времени, денег и сил. У него сформировался животик, как у китайского мандарина, и стали болтаться при ходьбе щеки. Но на свой внешний вид Ленька плевал - ради кого, спрашивается, стараться?

Цель же у него была одна, и даже не цель, а какой-то бзик - не умереть от воды. Ленька перестал купаться даже в ванной и обходился тепленьким душем. Когда от весны на крышах вырастают сосульки, он старался ходить подальше от домов. Страховался во всем. Даже воду употреблял только кипяченую и пил ее мелкими глотками, чтобы не подавиться.

А через две зимы наступила развязка. Однажды Ленька простыл, у него крепко, прямо до рвоты заболела голова. И он пошел к доктору. Доктора не было. Ленька пришел на следующий день и его сразу закрыли в больницу. Скоро ему стало совсем худо. «Хрен тебе от воды! Хрен!» – шептал он с мстительной улыбкой в полузабытьи и скручивал «фигушки» сразу на двух руках. Врачи пожимали плечами, названивали в область и все никак не могли поставить диагноз. Вместо диагноза ставили клизмы, руководствуясь тем, что хуже не будет. И Ленька все боялся, что загнется от этой клизмы – там же вода!

Сборы на тот свет оказались недолги и солнечным апрельским днем, когда все медсестры были на субботнике, Ленька, толком не приходя в себя, благополучно умер и перешел в другое агрегатное состояние. Без воды и ее производных. Булькнул в небытие и не оставил кругов, как многие из нас. Когда хватились, по Ленькиному похудевшему лицу уже бегали наглые больничные тараканы.

После вскрытия в графе «причина смерти» нетрезвый патологоанатом, попивая кофе, неразборчиво написал: «Водянка головного мозга». Очень редкая болезнь. Но видно такой уж Недопекин невезучий.

ХАЛЯВА

Халява! И сразу сладостное томление в груди. И сразу жизнь приобретает великолепные краски. И становится похожей на жизнь. Я спрашивал у переводчиков. Они говорят, что в известных им языках эквивалентов нет. Только у нас. Только у

нас верят в золотую рыбку и по щучьему велению Все это, конечно, подсознательно. Поэтому чуть свободное время, все сразу на рыбалку. Это пьянство у нас отдыхом зовется.

У англичан пословица «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке». У нас бесплатный сыр считают подарком судьбы. Как и все бесплатное. А что для русского лишняя мышеловка? Одной больше, одной меньше...

Что в сущности значит «любить по-русски». Это значит - любить на халяву. Встречался я с одной женщиной. Так, ничего примечательного. Но она ничего не требовала. Только ночуй. Это вызывало доверие, и я ночевал. Ведь на халяву, думаю, чего же не переночевать.

Я и сейчас с ней встречаюсь. Но уже каждое утро и на кухне. И у нас трое детей и до изумления счастливый брак. Мышеловка захлопнулась.

Самый главный халявщик – государство. Только у нас существуют субботники. Только у нас такая армия – столько халявной рабсилы. И даже БАМ строили зэки на халяву, с небольшими вкраплениями румяных комсомольцев для кинохроники.

Мы единственные, кто поверил в коммунизм. Светлое будущее, когда все будет на халяву. Мы одни поверили. Все остальные крутили у виска пальцем. Это очень симпатично «от каждого по способности, всем по потребности». И так каждый надеялся. Способностей никаких, а потребности невероятны. Вот мы и поверили. А потом вдруг сказали – ребята, халявы не будет. Не учли тлетворного экономического влияния оттуда. Так, что не получится. И все. Исчезла национальная идея. И все начало рассыпаться, потому, что вырвали корень. Пьянство пошло. Когда народ понял, что халявы не будет, он разочаровался во всем, в душах исчезли светлые ориентиры.

Поэтому так трудно приживается у нас капитализм. Как, спрашивают – за все надо платить? На самом деле?

– Да, говорят. – Надо. И за все. И на самом деле. Внутри все сразу восстает. И даже протестует. Это же не по - нашему. Отвратительно просто. Вот и не приживается.

Хотя мы и сейчас живем на халяву. Работать мы не хотим и это, я считаю, очень нормально. Это очищает. Качаем от себя им нефть, выкапываем другие богатые недра, настойчиво пилим тайгу. Они нам достались на халяву и мы их толкаем за валюту. Что легко пришло, то легко и уходит. Тем и живем. И пока они не кончатся, работать у нас никто не будет. Можете быть уверены.

Между тем, в жизни халявы становится все меньше и меньше. Сужается круг. Это морально угнетает. Но есть светлые пятна, есть. Поминки например. Презентации. Бессмертное «Поле чудес...»

Так что, будем надеяться. Может еще обойдется. Ну не работать же нам в конце концов?

ВЕЧЕРНИЙ ТОСТ

Ночью происходит самое интересное. Самое увлекательное – в темноте и за кадром. Рождаются стихи. Начинаются слезы, светлые и очищающие. Заставляет размышлять бессонница. Лязгают об железо «фомки».

Днем люди скучны и неинтересны. Закопослушны. Все одинаковые как спички. Убедительно говорят правильные слова. Стиснув зубы, экономят на всем деньги.

Ночью все меняется. В темноте все выглядит в другом свете. Выпирает индивидуальность и можно уже не притворяться. Видимо, человек все же – ночное животное. Днем нездоровый этикет, ночью здоровые инстинкты. Утро вечера всегда

скучнее. Ночью ты чувствуешь, что свернешь горы. А днем ты бессилен и сворачиваешь к пивной. Ночью ты видишь сразу целое. А днем это целое за деталями как-то теряется. И эти детали просто убивают. Просто хренеешь. Под лучами солнца испаряется романтизм, скукоживаются надежды, засвечиваются как фотопленка, мечты. При свете мир отвратителен и гадок. И лишь ночью, когда не видно, он приобретает реальные черты.

Так давайте выпьем за наших подруг, которые удивительно хорошеют в темноте. За наши квартирки – микрогабаритки, которые в темноте не просят ремонта. За наших детей, которые такие милые, потому что спят...

Давайте выпьем за ночь – самое светлое время суток!